

Олег ТАРУГИН

Алексей ИВАКИН

ШТРАФБАТ В КОСМОСЕ

**С Великой Отечественной –
на Звездные войны**

Алексей Геннадьевич Ивакин

Олег Таругин

**Штрафбат в космосе. С
Великой Отечественной
– на Звездные войны**

Серия «Штрафбат в космосе», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2686265

Штрафбат в космосе. С Великой Отечественной – на Звездные войны :

Яуза : Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47343-4

Аннотация

Когда человечество в опасности, а отвыкшие от войн, избавившиеся от гена агрессивности земляне XXIII века не в состоянии противостоять инопланетному вторжению – кого звать на помощь? Кто спасет Землю от завоевания, а род людской – от поголовного истребления? Лишь те, кто однажды уже уберег Европу от геноцида и «коричневой чумы». Лучшие бойцы всех времен и народов, закаленные в горниле самой страшной войны в человеческой истории. Русский штрафбат из 1944 года. Смертники, «искупившие вину кровью», павшие в XX веке – и воскрешенные 300 лет спустя, чтобы отстоять уже не только

Россию, но всю планету. В прошлом они прошли с боями тысячи километров от Сталинграда до Германии – в будущем им придется преодолеть тысячи световых лет, чтобы научить выродившихся потомков быть мужчинами, умирать за Родину, убивать и побеждать!

С Великой Отечественной – на Звездные войны! От операции «Багратион» – до Альфы Центавра! Если правнуки зовут на подмогу павших предков – значит, беда!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Интерлюдия	31
Глава 2	41
Глава 3	49
Интерлюдия	54
Глава 4	66
Интерлюдия	75
Глава 5	79
Интерлюдия	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**Олег Таругин,
Алексей Ивакин
Штрафбат в космосе. С
Великой Отечественной
– на Звездные войны**

Пролог

*Западный сектор, 40000 св. лет от Земли,
за несколько месяцев до описываемых событий*

Два огромных ящера раскапывали кучу камней, опаленных знойным послеполуденным солнцем. Один мощными задними лапами раскидывал их, второй передними – маленькими и хрупкими на вид – тщательно перебирал содержимое образующегося отвала. Судя по характеру занимавших огромную площадь обломков, порой громоздящихся многометровыми завалами, некогда здесь был город, в одночасье уничтоженный какой-то чудовищной и злой силой, которой достало мощи, чтобы шутя раскрошить прочный бетон и перекрутить двутавровые балки. Картину разрушения дополняли многочисленные куски пластика, битое стекло и

расщепленные, обугленные обломки некогда обработанного дерева. Кое-где среди мусора встречались и человеческие кости, на которые увлеченные своим занятием рептилии вообще не обращали внимания.

Никакой одежды на ящерах не было, если, конечно, не считать таковой жилеты из грубой синтетической ткани, надетые прямо на серо-зеленую, неприятно отблескивавшую на солнце чешую, и состоящие из одних карманов – от совсем крошечных до поистине огромных, вмещавших емкости с водой и какие-то инструменты.

Копавшийся в отвале второй ящер вдруг резко замер, нервно облизнув раздвоенным языком продолговатые сухие ноздри. А потом зашипел первому:

– Ссстой... Ссстой... Не броссай... Нашшел шшто-то...

– Ыхырр? – вопросительно рыкнул его напарник, оборачиваясь.

Второй показал ему запорошенный каменной пылью маленький черный кубик, зажатый в трехпалой лапе с устрашающего вида когтями:

– Массстер будет рррыад! Хосссяева будут рррыады!

– Бешшим!

И оба холоднокровных с грацией, неожиданной для своей массы, помчались к видневшимся в пустыне тентам.

– Массстер, воттт...

Второй протянул кубик начальнику. Тот посмотрел на ящера и кивнул:

– Включиши, Рыхх. А ты, Хотссс, ззза водой метнисссь. Жжжарко.

Хотс довольно кивнул и умчался к портативному холодильнику, заполненному пластиковыми емкостями с холодной водой. А Рыхх осторожно нажал огромным когтем на едва заметную выпуклость на одной из граней кубика.

Некоторое время ничего не происходило, и Рыхх разочарованно замотал огромной чешуйчатой башкой:

– Сссломан, сссломан...

Внезапно над пустыней раздался бесстрастный металлический голос:

«Из речи восьмого Автарка Эйкуменской Республики Клауса Маурьи перед Сенатом и Консулами.

Запись от 9 апреля 2297 года от Рождества Христова.

16.00–16.45 по среднекосмическому (эйкуменскому) времени.

Аудиокопия номер 54231.

– Сограждане! Товарищи! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои! У каждого государства и народа есть периоды восхода, расцвета и заката. Кто, кроме специалистов-историков, может ныне вспомнить Ассирию и Вавилон, Карфаген и Рим, османов и генуэзцев? В Лету канули рейхи и штаты, союзы и содружества. Вот уже более ста пятидесяти лет назад русские, немцы, индусы, китайцы, поляки, колумбийцы и другие народы Земли объединились в единую

Республику, отбросив прежние предрассудки и распри. Вот уже полтора века мы не знаем войн. Мы победили нищету и голод. Мы победили эгоизм и преступность. Мы освоили Ближний Космос и вышли в Космос Дальний. Мы вынесли нашу промышленность на другие планеты и превратили Землю в Эйкумену. Зловонную пустыню – в цветущий сад.

Мы победили.

(Пауза. Аплодисменты).

Мы победили... самих себя. И эта победа ныне гибельна для нас в ничуть не меньшей степени, чем все ужасные братоубийственные войны прошлого...

(Легкий шум непонимания в зале).

Гибли республики и империи. Гибли народы. А сегодня гибнет само человечество. Сograждане! Я, восьмой Автарк Клаус Маурья, вынужден сообщить вам ужасные новости. Началась война!

(Шум усилился. Неразборчивые крики).

Как вы заметили, в зале отсутствуют десять наших коллег, представителей планет Западного сектора. Именно туда вторгся враг. Враг, подобного которому человечество еще не знало. Сенаторы планет еще несколько месяцев назад отправились строить оборону, и с тех пор от них нет известий. И, скорее всего, уже не будет.

О противнике мы можем сообщить немного. Специалистам-психотехникам удалось снять голографические слепки с памяти нескольких беженцев с подвергшихся нападению

планет. Да, сограждане, лишь нескольких. Вероятнее всего, мы уже потеряли более миллиарда человек. Сограждане! Я прошу тишины! Прежде чем мы покажем вам один из слепков, я прошу подняться на трибуну капитана спасательного корабля «МСК-945» Ивана Смитсона.

(Стуки по микрофону. Шаги. Непрекращающийся шум в зале).

– Доброго времени суток, сенаторы! Я капитан малого спасательного корабля номер девятьсот сорок пять Иван Смитсон. Наш корабль приписан к спасательной станции «Западная». Двадцать второго июня по эйкуменскому календарю мы получили по грависвязи сигнал бедствия. Событие, хотя и не часто случающееся, но рядовое. В штатном режиме мы совершили прыжок по указанным координатам. То, что мы увидели...

Мы вышли в обычное пространство за десять с половиной световых секунд от планеты Эритрея системы Бета Центавра. На ее орбите находилось пять огромных кораблей. Чужих. Нечеловеческих.

(Шум в зале, не прекращающийся в течение нескольких минут. Слышны выкрики: «Невероятно!», «Этого не может быть!»).

От линкоров – мы назвали их именно так, по аналогии с боевыми кораблями древности, прежде всего, из-за огромных размеров – постоянно отделялись катера, видимо, десантные и устремлялись к планете. Несколько тысяч кате-

ров. В контакт мы вступать не стали и, подобрав найденную на высокой орбите стандартную спасательную шлюпку типа «Арго», нырнули обратно в подпространство. На борту спассредства находилось семь человек: двое мужчин, четыре женщины и ребенок. Мальчик. В течение суток все взрослые скончались, причина смерти неизвестна. Инфекций, известных эйкуменской медицине, не зафиксировано, тем более, из команды моего корабля никто не пострадал. Ребенок выжил, но он... Он находился в состоянии глубокого посттравматического шока. Вздрагивал и кричал при каждом резком звуке или движении.

(Выкрик из зала: «А мальчик? Что с мальчиком?»).

– Сограждане! Он жив и находится под присмотром лучших врачей Республики. Спасибо, капитан!

(Шум шагов. Стук по микрофону).

– Итак, сограждане. А теперь голослепок памяти выжившего ребенка.

Женский голос: Ли, что это?

Мужской голос: Не знаю, Лана.

Женский голос: Макс, подойди сюда! Смотри, сколько звезд падает! Позови сестренку!

Детский голос: Сейчас, мама!

Мужской голос: И это посередь белого дня! Не нравится мне все это!

Женский голос: Зато красиво! Макс, ну позови же сестренку, пусть они тоже полюбуются!

землю он потерял сознание. Психологи все еще работают над расшифровкой закрытой долговременной памяти ребенка. Но, похоже, ничего нового там уже не будет. А вот далее...

Мужской голос: Макс! Макс! Очнись! Где папа, где мама?

Детский голос: Оно, оно, оно...

Детский крик, приглушаемый чем-то плотным.

Женский голос: Тише, Макс! Тише! Иначе они услышат!

Мужской голос: Да вколи ему что-нибудь покрепче! Я перенесу его в шлюпку!

Женский голос (рыдающе): Сейчас, сейчас!

Мужской голос (затухающе): Держи рюкзак, я его через плечо...

– А теперь самое главное, сограждане! Призываю к вниманию!

Женский голос (задыхаясь): Почему они нас отпустили? Они же всех убили! Почему именно нас?

Мужской голос (раздраженно): А я откуда знаю?

Второй мужской голос: Успокойтесь. Нам уже ничего не угрожает. Вернер, ты сигнал послал?

Первый мужской голос: Да.

Женский голос: Господи, как дышать больно!

Второй мужской голос: Мари, ты остальных женищин в гравикомпенсаторы погрузила?

Женский голос: Да. Но им все хуже и хуже. Аэлита истекает кровью. Кибердок не справляется даже в максимальном режиме. Ой!

Первый и второй мужской голоса одновременно: Что?

Женский голос: Макс, кажется, очнулся. Максик, ты как?

Второй мужской голос: Мари, иди немедленно ложись, на тебе лица нет. Парню я вколю еще успокоительного. Спи, Макс, спи!

Первый мужской голос: Господи, как больно!

Второй мужской голос (затухающе): Вернер, ты...

– Сограждане, это пока все!

(Шум в зале).

– Сограждане! Успокойтесь! Сограждане!

(Звяканье чем-то металлическим по стеклу).

– Сограждане, я прошу вас!

(Шум постепенно стихает).

– Итак, сограждане, это пока вся имеющаяся у нас информация. Все, что мы увидели, это одного гигантского, в полтора человеческих роста ящера. Двуногого. Похожего на наших ископаемых динозавров. В руках, вернее, в передних лапах, держащего нечто, напоминающее наше древнее оружие. Безжалостного и очень сильного. Спокойно убивающего и спокойно... Спокойно *поедającego* свою жертву. Да, со-

граждане, именно так – поедающего! Второе. Тех людей, которых подобрал капитан Смитсон, но которых мы не сумели спасти, вероятнее всего, отпустили специально. Почему – мы можем только догадываться. Психотехники не успели снять с них слепки. И третье, в данной ситуации, пожалуй, самое главное – нам нечем с ними воевать. Да и некому. Мы расконсервировали военные склады стратегического резерва и раздаем ополченцам оружие. Но практически никто не умеет им пользоваться. Впрочем, оружием-то овладеть дело нехитрое, вот только кто из нас реально сможет его применить, кто сумеет выстрелить по живому организму? Никто, я думаю... А ведь есть и еще одна проблема – мы совершенно не владем искусством войны. Фуллер, Гудериан, Жуков, Кривошеин, Мольтке, Сунь-цзы – имена, интересные сегодня лишь студентам-историкам и их учителям.

(Пауза в речи. Бульканье воды. Звяканье стекла).

– Человечество на краю гибели, сограждане...

* * *

Голос замолк. Ящеры переглянулись. Кажется, археологическая экспедиция окупилась.

Нет никакого сомнения, что противник в панике и, значит, им ничто не угрожает. Остановить их не сможет никто.

Хозяева будут очень довольны...

Глава 1

Прошлое. 1944 год

– И какого хрена им надо? – ругнулся капитан Крупенников, прочитав предписание.

– А я знаю? – пожал плечами старший сержант. – Оне там велели прибыть срочно. Ачо я сделаю?

– Ничоа! – раздраженно ответил Крупенников своему ординарцу и сел на нары землянки. После чего почесал левую ступню.

– Иванов! Отчего пятки желтеют?

Тот удивленно приподнял брови:

– А я знаю, чели?

– Вятский ты валенок, – ругнулся капитан. – Что там немцы?

– Сидят немцы в своих окопах, – бодро доложил старший сержант.

– Это правильно тактически. А вот стратегически – не очень.

– Это почему?

– Лучше, если бы они бежали стратегически. Я в штаб дивизии, Иванов.

Старший сержант с русской фамилией и не менее русской круглой физиономией кивнул. И только после этого удивился:

– А зачем?

– А я знаю, чели? – передразнил Крупенников, натягивая новые, недавно полученные со склада сапоги. Портянки воняли на всю землянку. Капитан не менял их с начала операции.

– Вызывают, и все тут. Мы люди маленькие и подневольные. Сказано явиться – являюсь.

– Поди, орден дадут? – поинтересовался Иванов.

– Нет, ребята, я не гордый, я согласен на медаль! – цитатой из «Василия Теркина» ответил комбат. – Буду к вечеру.

Командир стрелкового батальона капитан Виталий Крупенников не догадывался, что ни к вечеру, ни к утру сюда уже не вернется. Он раздавал замполиту и ротным короткие приказы, не зная, что больше никогда их не увидит. Военные судьбы извилисты, и пока капитан будет выслушивать разнос командира дивизии, совершенно дежурный и ничего не значащий, на позиции батальона выйдет какая-то моторизованная часть эсэсманов. Выйдет, сомнет – и намертво застрянет в траншеях смертельно уставших русских солдат.

Операция «Багратион» уже подходила к своему логическому концу. Немцы толпами сдавались там, где тремя годами раньше бились насмерть окруженцы Западного фронта. Минск, Гродно, Барановичи – опаленные войной и обильно политые кровью белорусские города навек войдут в героические летописи Красной Армии. Немцы пройдут маршем по Москве. Пленные немцы. А за ними пройдут поливальные

машины, совсем не символически смывая немецкое дерьмо со столичных улиц.

Но это все еще впереди. А пока капитан Крупенников трясся в «Виллисе», специально присланном за ним из штаба фронта. Да, минуя полк, дивизию, армию – сразу в штаб фронта. Трясся и удивлялся вниманию высокого начальства к скромной особе обычного пехотного капитана. А пока он удивлялся, его ординарец, «вятский валенок» Иванов, щеря окровавленный рот, падал с противотанковой гранатой под гусеницы немецкого танка.

Военные судьбы. Военные дороги. Военные жизни.

Короткие, как выстрел...

Рвущиеся, как тротил...

В штаб фронта Крупенников прибыл почти в полночь. Пришлось еще час ждать, когда его позовут пред высокие очи. За этот час капитан выкурил половину пачки папирос, насмотрелся на связисток и штабных полковников и даже вздремнул десяток минут.

За этот же час прорвавшихся через позиции его батальона немцев смяли подоспевшие танкисты. Бои, так сказать, местного значения, не всегда отражавшиеся на картах больших штабов.

Крупенников лениво считал звезды на небе и мечтал об ужине, плавно переходящем в завтрак. Мечты его были прерваны суматохой на крыльце бывшей сельской школы, а ныне штаба фронта. Капитан соскочил с чурбака, последний

час служившего ему стулом.

Окруженный под- и просто полковниками на улицу вышел сам командующий фронтом.

– Товарищ генерал армии! – Крупенников сделал шаг вперед. Ждать вызова надоело, а дальше передовой, как известно...

– Кто такой? – сердито спросил уставший командующий фронтом.

– Капитан Крупенников по вашему приказанию прибыл! – бодро отрапортовал комбат.

– Крупенников? По моему приказанию? – поморщился генерал.

– Так точно! – еще больше вытянулся капитан.

Один из полковников что-то шепнул на ухо генералу.

– Аааа! – вспомнил тот и улыбнулся. – Совсем замотался. Большие дела делаются, капитан! Не до тебя было.

Крупенников отмолчался.

– Это твой батальон в Полоцк первым ворвался? – спросил его комфронта.

– Так точно! – с начальством надо разговаривать на языке Устава. Начальство это любит.

– Молодец. Хорошо воюешь, – кивнул комфронта. – В штрафбат пойдешь.

– За что!? – удивился Крупенников. Чего-чего, а вот этого он не ожидал. – Товарищ генерал армии, если это за тех коров, так я же батальон подкормить. Пять дней без горячей

пищи, а коровы все одно бесхозные были, вот-вот и на минное поле бы...

– Какие коровы? – не понял генерал.

– Рогатые... – почти жалобно сказал капитан, плохо думая на особиста и замполита, успевших стукнуть наверх о мародерстве.

В это же самое время замполита несли на операционный стол доставать немецкие пули, пробившие грудь, а то, что осталось от накрытого близким разрывом особиста, похоронщики закапывали в неглубокой воронке.

И тут комфронта громко засмеялся, запрокинув голову так, что едва не упала фуражка. Следом за ним заржал и весь штаб.

Крупенников растерянно смотрел на хохочущих офицеров.

– Коровы, говоришь?

– Г-гуляш повара сделали, – кивнул капитан, чуть заикнувшись.

– Гуляш – это хорошо. За Полоцк, капитан, Красную Звезду от меня получишь. Завтра же. Вернее, сегодня. Да. Сегодня, – генерал посмотрел на звездное небо, помолчал и добавил: – Сидорович! Документы оформи.

– Есть, товарищ генерал армии! – кивнул какой-то полковник и открыл папку.

– А ты, капитан, пойдешь все-таки в штрафбат. Командиром. Согласен?

Ну и как тут откажешься?

– Так точно, товарищ генерал армии! Согласен!

– Ну, вот и хорошо! Утром получишь предписание и отправишься в батальон. Прошлого батю ранило, а ты у нас геройский комбат. Справишься с архаровцами?

– Справлюсь, товарищ генерал армии!

– Ну, вот и ладушки!

Генерал сделал несколько шагов в сторону темнеющих изб, но вдруг остановился, обернулся и добавил:

– Слышь, майор Крупенников! В военторг зайди.

– Зачем? – не понял капитан.

– Погоны новые купи.

И генерал со своей свитой исчез в темноте белорусской ночи, оставив изумленного поворотом судьбы капитана, то есть уже майора, в одиночестве.

«Заранее не могли сказать?» – пожалел Крупенников оставленные в батальоне вещи. Впрочем... какие там вещи? Отрез сукна, который он хотел послать матери, да пара бутылок трофейного вина? Сукно жалко, а вино... Да хрен с ним! Чтобы советский офицер да вина бы не нашел, а то и чего покрепче...

До батальона Крупенников добрался лишь к утру. Зверски хотелось спать и есть, но сначала – работа. Да, война это не подвиги, война – это работа. Порой без сна и отдыха.

– Капитан Лаптев, – протянул руку хмурый начальник штаба отдельного штрафного батальона.

– Кап... Майор Крупенников! Виталий.

– Виктор, – кивнул заспанный начштаба.

– Ну, вот и познакомились, теперь к делу!

– Может быть, позавтракаете, товарищ майор? – предложил капитан, сам наверняка желавший хотя бы чаю.

– Завтрак это хорошо, – согласился Крупенников. – Совместим приятное с полезным, а...

– А необходимое с желательным, – закончил фразу Лаптев.

Крупенников усмехнулся:

– Мысли сходятся у дураков, товарищ капитан!

– Ну не только же у дураков. В армии желания совпадают у миллионов людей: завтракать-то всем хочется в одно время!

– Да вы философ, товарищ капитан!

– Скоро таким же станете, товарищ майор. Переменники народ особый. Некоторые в чинах побольше наших ходили, так что ухо остро держать надо.

– Переменники? – не понял Крупенников.

– Так точно, переменники. Не слыхали такого термина? Штрафниками личный состав у нас не называют. Оскорбительно звучит для бойцов.

– Хм... – удивился комбат.

– Посему – переменный состав. Они же у нас не более трех месяцев находятся.

– В каком смысле? – напрягся новоиспеченный комбат.

– Да в простом – погоны обратно на плечи и возвраща-

ются в свою часть с погашенной судимостью. Если до этого кровью или подвигом вину не искупят.

– Ааа... – протянул Крупенников и расслабился. – Это я знаю. Почему-то подумалось, что три месяца не все...

– Да ну что вы, товарищ майор! Потери у нас, конечно, выше, чем в обычных частях. Все же мы всегда на острие атаки. Штурмовой офицерский батальон – не хухры-мухры. Батя... в смысле, комбат Перепелицын, всегда нас так называл.

– Пожалуйста, товарищи офицеры! – высокий солдат без знаков различия на гимнастерке, темнеющей следами сорванных погон, поставил на стол сковородку со скворчащей яичницей, тарелку с колбасой и хлебом. Потом нерешительно спросил:

– Еще чего надо?

– Чаю давай, Смешнов.

– А?..

Начштаба вопросительно посмотрел на комбата:

– Спирта?

– Вечером, – решительно отказался Крупенников. И понял, что незнакомый ему «батя», предыдущий комбат, любил употреблять алкоголь вне зависимости от времени суток. Лаптев кивнул бойцу, и тот исчез, как говорится, с глаз долой.

– Контингент какой в батальоне? – майор взял немецкую ложковилку, протянутую ему капитаном.

– Разный. Смешнов вот, например, тоже капитаном был. Тыловиком. Проворовался интендант, с вышестоящим начальством не поделился. Вот результат. Зато достать все на свете может, хочешь – паровоз на спирт выменяет, хочешь – спирт на сало.

– А остальные?

– Все есть, по всем статьям. Насильники есть, убийцы, воря много, даже дуэлянт есть один.

– Это как? – заинтересовался Крупенников, обмакнув кусок хлеба в желток.

– Да бабу два летехи не поделили. Связистку, что ли? Или медсестричку? Не помню. Ну и устроили дуэль на пистолетах. Один в гроб, другой к нам. А сестричку с пузом – в тыл.

– Успели Катюшу зарядить? – понимающе усмехнулся Крупенников.

– Успели, – кивнул Лаптев. – В тылу и выстрелит. А разбирались из-за того, кто из них глубже в дуло заряд забил.

– Я бы хотел ознакомиться с делами штрафников, то есть переменных. Но для начала с ротными и взводными познакомлюсь. Кто ими командует?

– Как обычно, строевые офицеры, – пожал плечами капитан. – Переменники только отделениями командуют.

– Интересно тут у вас... – хмыкнул Виталий. – А с оружием как?

– Личный состав вооружен автоматами, с гранатами тоже нормально. Проблем никогда с этим не испытываем.

– Что, винтовок совсем нет? – откровенно удивился майор.

– А зачем они нам? В окопах трехами не особо размахнешься, «папаши» в окопах гораздо удобнее. Мы же в атаки ходим. В обороне штрафников не держат.

– Это еще почему?

– Да потому, что мы – элита армии, хоть и уголовная. Сами смотрите – разведчики, танкисты, саперы, пехота. Есть даже один бывший особист. И военный прокурор тоже.

– Особист? – удивление Крупенникова все нарастало и нарастало.

– Так точно, – ухмыльнулся Лаптев. – С ним там вообще история темная. Осудил неправильно какого-то полицая бывшего.

– Освободил, что ли? – спросил комбат.

– Наоборот. Высшую меру дал. Причем лично и исполнил.

– А что же тогда его в штрафбат?

– А тот полицай партизаном оказался, связником. Ну или что-то такое. Харченко, особист наш, лучше знает.

– И?

– Его к нам. А партизана к медали. Посмертно.

– Дела... – вздохнул Крупенников. – А прокурор?

– Там куда смешнее. Расскажу как-нибудь. Я уже и привык к таким историям.

– Ладно... Зови офицеров, – остатки яичницы Крупенников вытер кусочком хлеба, заел кружочком кровяной колбасы.

сы и шумно захлебнул горячим чаем.

Минут через пятнадцать офицерский состав штрафбата собрался в командирском блиндаже.

– Товарищи офицеры! Разрешите представиться, майор Крупенников, Виталий Александрович. Назначен командиром вашего батальона взамен убитого майора Перепелицына. Будем воевать вместе. Прошу вас представиться.

– Командир 1-й роты, старший лейтенант Петровский.

– Командир 2-й роты, старший лейтенант Заяц.

– Временно исполняющий обязанности командира 3-й роты лейтенант Свинцов.

– Командир 3-й роты выбыл в связи с ранением, – шепнул комбату капитан Лаптев.

– Командир 4-й роты старший лейтенант Песцов.

Потом пошла очередь лейтенантов – командиров взводов.

– А минометчики, пульрота? – поинтересовался Крупенников.

– В каждой роте по три расчета восемьдесят вторых минометов. В каждом взводе два расчета «дегтяревых». Обычно на операциях нам добавляют тяжелые полковые минометы и пульроты в усиление. Иногда даже танки, но это уже не от нас зависит, а как там фронт решит.

– Мощно! – качнул головой Крупенников, одобрительно поджав губы. – А замполит где? Особый отдел?

– Еще вчера за пополнением убыли. У нас тут этим делом они занимаются, сами понимаете, товарищ майор.

Крупенников кивнул.

– А настроение какое у бойцов, товарищи офицеры?

– У всех по-разному, товарищ майор, – ответил комроты-два Заяц. На зайца, вообще-то, он похож не был, скорее на волка – поджарый, мускулистый с хищным блеском в глазах. – У всех по-разному. У кого-то боевое, у кого-то трусливое, кто-то равнодушен к своей судьбе...

– А чаще всего?

– Воюют все нормально, если вы об этом, товарищ майор. Самострелов у нас не бывает. За самострел в штрафбате один приговор – расстрел.

– Особист суровый?

– Обычный, – пожал плечами Лаптев. – Закон такой. Все тут кровью искупают, а самострельщика что, в тыл везти? Нет уж, пусть тут и лежит. Вот был у нас случай – немец бомбежку устроил, так три умельца под шумок друг другу задницы и прострелили. Да не просто, а через буханку.

– Через буханку-то зачем? – не понял Крупенников.

– А чтоб нагар пороховой вокруг раны не отпечатался. Так быстро всех троих раскусили. У одного пуля в кость попала и отрикошетила в живот. В санбате ее, конечно, достали, но он все одно помер. А тут еще двое с похожими ранениями. Ну, и раскололи паразитов. Сознались голубчики у особиста как миленькие.

– Шлепнули?

– За милую душу. И закопали тут же.

– А домой что сообщили?

– А вот это уже, товарищ майор, от вас зависит. Батя всегда писал в похоронках, что, мол, пал смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Семьям не надо знать, что их отец шкуркой оказался, они-то в этом не виноваты...

– А у нас в роте был случай, – вступил в разговор врио командира 3-й роты лейтенант Свинцов. – Во время боя один переменник себе на ногу ножом несколько разрезов сделал и под кожу осколки засунул.

– А говорите самострелов мало, – ухмыльнулся Крупеников.

– Так больше и не было, товарищ майор!

– Ну-ну... – скептически покривился комбат. – Давайте личный состав на построение. Будем знакомиться.

Майор вышел под жаркое солнце августа сорок четвертого, когда штрафной батальон уже выстроился в четыре шеренги буквой «П». Он неторопливо шел вдоль строя, рассматривая лица бывших офицеров, а ныне штрафников, и пытался понять, заглядывая в их глаза, – что движет ими? Страх? Жажда свободы? Раскаяние? Отчаяние? По своему двухлетнему военному опыту – а два года войны, как известно, стоят двух десятков лет мирного времени – он знал, что, лишь поняв этих людей, он сможет командовать ими, сможет послать их в бой не веря, но зная, что они выполняют приказ с честью. А чтобы понять их, бессмысленно листать лич-

ные дела, изучать характеристики командиров или прислушиваться к мнению замполита. Нужно в первую очередь увидеть глаза своих бойцов.

А глаза были...

Да обычные, в общем-то, глаза. Как у всех. У кого-то любопытные – «ну-ка, кого нам вместо Бати прислали?», у кого-то настороженные – «чего ждать от этого щегла в новеньких майорских погонах», у кого-то ехидные – «сегодня ты комбат, а завтра ты на моем месте», у кого-то равнодушные – «и не таких видали».

Обойдя строй, Крупенников вышел на середину плаца. Широко расставил ноги. Поправил по привычке ремень. Заложил руки за спину.

– Товарищи!

По строю побежал шепоток и смешки.

Капитан Лаптев, стоявший за правым плечом, тихо поправил комбата:

– Граждане переменники, товарищ майор...

Тот едва кивнул в ответ:

– Граждане... Солдаты! Да, я не оговорился! Раз воюете, значит, солдаты Красной Армии. Для меня, майора Крупенникова, вашего нового командира, не имеют никакого значения ваши судьбы. Мне не важно, кем вы были и почему попали сюда. Мне важно, как вы воюете сегодня. Сейчас! Чем лучше мы с вами воюем, тем быстрее вы вернете свою честь, и тем быстрее мы с вами вернемся домой. Тем быстрее за-

кончим войну. Я видел многое. Начинал войну под Сталинградом. Верю, что ни я вас не подведу, ни вы меня. А теперь, батальон... Слушай мой первый приказ. После обеда приступить к занятиям по тактической и огневой подготовке согласно плану. Командирам рот и взводов доложить о результатах к девятнадцати ноль-ноль. Батальоооон... Смирно! Поротно... В расположения... Шагом... Арш!

Сдерживая ехидную улыбку, Крупенников сделал шаг назад, наблюдая, как переменники растерянно замялись на месте. Лишь один взвод стройно повернул направо и зашагал в нужном направлении.

– Чьи? – поинтересовался он у Лаптева.

– Свинцова бывшие. Теперь он временно на роте, взводом переменник командует. Бывший подполковник Звягин. Товарищ майор, а ведь у нас никакого плана подготовки нет. Третий день как из боя вышли. Люди отдыхали, да и у нас дел по горло было.

– Капитан, – повернулся к Лаптеву комбат. – Сейчас у нас десять пятнадцать, так?

– Так, – согласился начштаба.

– У вас два часа сорок пять минут на составление плана. А за это время, как известно, можно до КВЖД сбегать. Да... И включите в план строевую.

– Так точно, товарищ майор!

Крупенников опять поправил ремень, снял фуражку и посмотрел на солнце, утерев платком пот со лба.

«Вот лейтенанты и решили, что я зверствовать начал, — мелькнула мысль. — Когда-то и я так думал...»

Интерлюдия

Курсанты наматывали восьмой круг, яростно долбая сбитыми каблуками плац. Саратовская пыль забивала глотки так, что все строевые песни они орали на одной ноте – что тебе «Катюша», что «Три танкиста», все едино. Едкий пот заливал глаза, но однорукий старлей был неумолим. То носочек плохо курсанты тянут, то с ноги кто-то сбился, то слов у песни не слышно.

Лишь после третьего обморока строевик остановил занятия, и курсанты немедленно попрятались в чахлой тени акаций.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться! – откашлялся, наконец, Виталик Крупенников.

– Обращайтесь, Крупенников.

Старлей так и стоял на солнцепеке, не заходя в тень, лишь лениво похлопывал палочкой по сапогу, не обращая на жару никакого внимания.

– Товарищ старший лейтенант, зачем нам вся эта шагистика? Мы же на фронт скоро поедem, а не на парад!

Строевик присел, разглядывая покрытое грязными разводами лицо курсанта:

– А ты как сам думаешь?

– Не знаю...

– А кто такой боец Красной Армии знаешь?

– Ну... Это политически грамотный, образованный, подготовленный тактически и...

– Боец РККА, Крупенников, это частица единого и могучего организма. Умная, грамотная, подготовленная частица, самостоятельная и инициативная. Но частица. Один в поле не воин, а вместе мы – непобедимая армия. И чтобы боец научился себя чувствовать частью армии, как раз и нужна строевая подготовка. Научишься чувствовать плечо товарища на плацу – значит, и в бою его не потеряешь. Понятно, Крупенников?

– Понятно, товарищ старший лейтенант!

– Ну, раз понятно... Становись! Шагооом... ари! Песню запеее... вай!

– Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...

Сотня натруженных молодых глоток снова взревела, и снова серая пыль поднялась над приволжскими степями...

* * *

– Значит, майор, тебе неважно, какие у них судьбы были? – незнакомый голос за спиной прервал воспоминания. Крупенников резко обернулся. Перед ним стоял низкорослый полноватый майор, цепко осматривающий новоиспеченного комбата серыми глазами. Неспешно поднес руку к фуражке:

– Майор Харченко. Начальник особого отдела батальона.

– Майор Крупенников. Командир батальона, – козырнул в ответ Виталий.

– Знаю, майор, все знаю. Работа такая, – без тени улыбки сказал Харченко и взял комбата под локоть. – Пройдемте, товарищ майор, поговорим.

Они зашли в избу, где недавно Крупенников знакомился с офицерами батальона.

– Тебе, комбат, может, и не важно, – продолжил особист, когда они сели за дощатый стол. – А мне очень даже важно. Я тебе вот пополнение привел, комбат, аж сто человек. Понятно, что среди них есть и случайно оступившиеся. А есть и настоящие враги, предатели и подонки. И моя задача – успеть этих врагов выявить до того, как они дел натворят. Понимаешь, майор?

– Понимаю, товарищ майор, – кивнул Крупенников. – Но ведь они уже натворили. Куда уж дальше-то?

– Ну, смотри, комбат. Привел я сегодня одного лейтенанта. Бывшего, естественно. Месяц еще на фронте не пробыл, а на передовой – так и вовсе ни одного дня. Часть его на станции ночевала, и бойцы на путях цистерну спирта обнаружили. Так тот лейтенант не только не пресек мародерство, но и возглавил его. А спирт тот метиловым оказался... В итоге пятнадцать человек скончалось, еще десять – ослепли.

– А лейтенант? – спросил Крупенников.

– А лейтенант, сука, непьющий оказался. Говорит, хотел

со взводом подружиться. Вот и скажи мне, комбат, кто этот лейтенант? Дурак или враг? Или то и другое?

– Не знаю, – честно признался Крупенников.

– И я пока не знаю, – вздохнул Харченко. – А знать обязан. Самое страшное, знаешь что?

– Что?

– Лейтенант тот – сын врага народа. Отца его приговорили к высшей мере социальной защиты, а сыну доверили Родину защищать. И он пятнадцать человек убил. Своих. Ему еще раз шанс дали. И я тут затем, чтобы этот пацан свой шанс до конца использовал. Чтобы ему потом жить не было бы стыдно. Или чтобы погиб он. Но – смертью храбрых. Вот такая у меня алгебра войны, комбат. Понимаешь?

Крупенников молча кивнул.

– А ты говоришь, знать не хочешь, кем они были, – продолжил Харченко. – Так что, майор, ты заходи ко мне. С делами знакомиться.

– Ознакомлюсь, товарищ майор. Когда время будет.

Харченко хмыкнул и встал. Надев фуражку, повернулся к Крупенникову:

– У тебя, комбат, времени здесь не будет. Запомни это. И ушел, хлопнув дверью.

Особист оказался прав. За неделю у комбата не нашлось ни одной свободной минуты. Предписания, наряды, приказы, планы, отчеты...

Это только в кино война – стрельба и подвиги. Для ря-

дового – это изматывающая физическая работа. Для командира батальона не менее изматывающая писанина. И нельзя просто подписать, нужно обязательно вникнуть. Например, обосновать перед начальством перерасход патронов на учебных стрельбах. Это в сорок втором сэкономили на учебе – не было ни времени, ни ресурсов. А вот уже с весны сорок третьего части, отведенные на переформирование и отдых, продолжали тренировки. И что характерно, никто не возмущался этим. Даже ветераны сорок первого, прошедшие через тот кровавый ад, послушно ползали по-пластунски и отработывали штыковой бой. Все понимали: кровь спасается потом. И штрафники, хотя и ворчали по старым, офицерским еще привычкам, послушно совершали марш-броски, рыли окопы в полный профиль, собирали-разбирали оружие на скорость. Да, Красная Армия образца сорок четвертого года научилась многому. Но и отучилась от многого. Например, от шапкозакидательства.

Даже замполит на своих политинформациях постоянно подчеркивал, что скоро армия вступит на территорию Германии. В этом сомнения нет и быть не может...

– Но, граждане переменники, необходимо помнить, что раненый зверь, загнанный в свою берлогу, дерется с удвоенной, а то и утроенной силой.

Проходивший мимо замполита комбат удивился – откуда subtilный очкарик-замполит знает, как звери в своих берлогах дерутся? Или набрался штампов на политкурсах в ар-

мии? Не похоже. Бойцы слушают его внимательно, да и говорит он увлеченно.

Знакомство с замполитом произошло при весьма забавных, если не сказать комических, обстоятельствах. Тот попросту свалился комбату на голову. В прямом смысле этого слова. После разговора с особистом майор вышел на воздух. Проходя мимо машин, с любопытством разглядывал пополнение – без ремней, со следами сорванных погон и орденских колодок, больше напоминавших арестантов, а не солдат. Впрочем, таковыми они являлись и фактически, и юридически. Разглядывал и думал, что Свинцова надо утвердить в должности комроты и отправить в штаб фронта предписание на повышении в звании.

Пока рассматривал и размышлял, на голову Крупенникову свалилось что-то мягкое, сбило фуражку, а потом еще и чем-то твердым ударило по голове. Оказалось, это замполит выкинул, не глядя, из кузова мешок с газетами, а потом попытался лихо спрыгнуть сам. И угодил комбату каблуком в темечко. Хорошо, что вскользь, и хорошо, что каблуки без новомодных подковок. Замполит долго извинялся, но Крупенников только досадливо махнул рукой и ушел по своим делам, потирая вскочившую на макушке шишку.

За неделю Крупенников поговорил с замполитом только раз, когда тот принес на подпись план своих политинформаций. Но комбат был так замотан, что только рявкнул на него: – Ты кто?

– Я?

– Ну, не я же!

– Зам... Заместитель командира по политической части... – пробормотал сбитый с толку очкастый парень.

– Вот и иди, занимайся своими политическими делами! Некогда мне!

Замполит исчез. Крупенников досадливо помотал головой, отгоняя мысль, что он так и не узнал, как его фамилия. А через неделю за Крупенниковым явился офицер связи из штаба фронта.

Вернулся майор только через сутки. Привез кипу приказов, в том числе и о повышении Свинцова, и сразу собрал совещание.

– Задача, товарищи, перед нами простая. Более того, архипростая, – начал Крупенников. – Завтра ровно в семь ноль-ноль батальону стоять, в полном боевом, у дороги. Подойдут грузовики. Нас перекидывают на северный фланг фронта. Мы идем на острие наступления, сбиваем заслоны, прорываем оборону, расчищаем дорогу гвардейцам. В усиление придается танковый батальон. Новые «тридцать четыре-восемьдесят пять».

Командиры одобрительно загудели. Наконец-то доведенный до ума «Т-34-85» мог драться на равных даже с «тиграми», при умелом, конечно, использовании и разумной дистанции. Да и надежностью отличался.

– Собственно говоря, нашему батальону доверена высо-

кая честь, – дождавшись, когда офицеры приутихнут, продолжил комбат. – Мы должны первыми войти на территорию Восточной Пруссии.

Крупенников опустил слова командующего фронтом: «Если сможете...» Опустил намеренно. Впрочем, это сделал бы любой нормальный комбат.

– Прошу замполита донести до переменного состава эту информацию. Кстати, старший лейтенант... А какая у вас фамилия? – неожиданно спросил Крупенников.

Замполит вскочил, зачем-то поправил круглые очки и, втянув голову в плечи сказал:

– Финкельштейн, Яков. Извините...

– А чего извиняешься, замполит? – повернулся к нему всем корпусом Харченко. – Стесняешься еврейского происхождения?

Замполит опять поправил очки, вечно съезжающие на кончик носа:

– У меня мама русская, между прочим...

– Да хоть китаянка! – усмехнулся особист. – Мы тут все люди советские, вне зависимости от национальности.

– Вам-то хорошо, – с неожиданной обидой сказал Финкельштейн. – А у меня как фамилию узнают, так сразу начинают...

– Что начинают, Яш? – подал голос Заяц.

– Раз еврей, сразу в замполиты, чтобы на тепленькое местечко!

– Это кто так сказал? – прищурился Харченко.

– Да это не здесь, – мотнул головой замполит.

– Яша... – проникновенно сказал Заяц. – Во-первых, ты на еврея ни разу не похож. Во-вторых, ты даже не обрезан, я в бане видел. А вот Иксамбаев из моей роты обрезан. Я тоже в бане видел. В-третьих, у тебя медаль «За отвагу» есть?

– Есть, – кивнул замполит.

– И «звездочка» есть?

Замполит снова кивнул.

– А «За оборону Москвы»?

– Есть, сразу после ополчения получил...

– Так вот, Яша... Кто тебе еще раз скажет, что ты поц, ты сначала сам ему в рожу дай, а потом нас позови. Мы еще добавим. Понял, Яша?

Под общий смех Крупенников продолжил:

– Яков, а вы откуда родом?

– Из Омска, а что? Не из самого, правда.

– На зверя ходил?

– Так батя у меня еще с царских времен там осел. Сначала на зверя хаживал, потом на беляков. Потом женился на маме, меня родил. Потом мы вместе хаживали... – забавно было слушать сибирские словечки из уст Яши Финкельштейна.

– На беляков? – хохотнул кто-то из офицеров.

– На беляков я не успел, а вот на зверя – бывало. А почему вы спросили, товарищ майор?

– К слову пришлось. Очень уж ты ладно про зверя в бер-

логе докладывал. Как по писаному.

– Так я по писаному. В смысле, доклад из фронта прислали. Вот я и читал.

Крупенников махнул рукой. Смех смехом, а делом надо заниматься.

– По прибытии на место получим двойной боекомплект. Сухпайки также двойные. Спирт получать будем по ходу наступления.

– Seriously все... – качнул головой Лаптев.

– Серьезнее некуда. Итак, товарищи офицеры, получаем карты...

И началась обычная командирская работа.

Глава 2

Будущее, 2297 год

Впервые за всю историю человечества собрался Единый Штаб Оборона. Возглавлял его сам Автарк Восьмой – Клаус Маурья. Буквально на ходу историки анализировали военные труды предков, пытаясь понять военную систему, давно и прочно забытую эйкуменцами. Общим голосованием были выбраны из сенаторов начальник штаба, начальник оперативного отдела, начальник особого отдела, верховный комиссар и прочие адъютанты с ординарцами. Кто и чем должен заниматься, мало кто понимал, но времени для настоящего изучения катастрофически не хватало. Ящеры, как пока называли Чужих, руководствуясь скудными внешними данными, полностью оккупировали Западный сектор и продолжали выдавливать людей из Северного и Южного секторов, захватывая планету за планетой.

– Сograждане, начинаем заседание Штаба. Начальник, доложите обстановку!

– Я? – поднял лысую голову сенатор Надей Пелетье.

– Именно вы.

– Обстановка... А нет ее, обстановки. Я не могу сказать, что сейчас происходит. Ящеры каким-то неизвестным нам способом блокируют гравитационную связь, так что получать новые данные нам попросту неоткуда. Да и передавать

их, эти сведения, похоже, просто некому... Могу сказать только одно: через несколько суток после потери связи планета оказывается захваченной противником. Что при этом происходит с населением, мы все примерно представляем. Это все.

– Надей, это точно или вы предполагаете?

– Я точно предполагаю! – упрямо повторил начальник Единого Штаба. Сидящие по обе стороны от Автарка консулы переглянулись и синхронно кивнули.

Автарк заметил их движение. Поджал губы и плотнее запахнул символическую красную тогу. Тогу, которую не надевали со времен Римской империи. Тогу – символ войны. О том, что это одеяние не слишком-то и удобно, Автарк старался не думать. В конце концов, когда человечество на грани гибели, чем-то нужно и жертвовать...

Правый консул встал. Обвел тяжелым взглядом присутствующих. И произнес короткую фразу:

– Мы погибаем!

Левый консул подскочил и почти крикнул:

– Протестую! Это давление на Сенат! То есть на Штаб!

Потом они оба снова синхронно кивнули и сели.

Автарк поморщился. Пожевал губами и продолжил:

– Сограждане! Нам нужен план. Хоть какой-нибудь.

– План? – с горечью в голосе буркнул начальник оперативного отдела. – Электронный мозг, когда мы загрузили в него всю историю военного искусства, предложил на выбор

несколько вариантов – усиленный фланг Эпаминонда, прямую атаку фалангой по примеру Александра Македонского, косую атаку Фридриха Великого, «бег к морю» Шлиффена, концентрические удары Рокоссовского. А какой толк всех этих стратегий в космосе? Или в масштабах целой планеты или планетной системы? К какому морю мы должны бежать? Где наносить основные и вспомогательные удары? Мы позабыли науку войны, потеряли былое умение! Единственное, что нам остается, – вооружать население. И надеяться на лучшее... ну, или хоть на что-то надеяться...

– И это все? – спросил Автарк.

– Не совсем. Есть еще Гвардия.

– Гвардия? И что могут сделать рота шотландских гвардейцев и рота кремлевских курсантов?

– Хотя бы умереть с максимальной пользой, Автарк.

– Мы все умрем. А нам не нужна смерть, нам нужна жизнь. И победа в этой безумной войне...

– Автарк...

Клаус ударил тонкой папкой по столу:

– Повторяю: и это все, что могут предложить лучшие умы человечества?!

Несмело поднял руку начальник научного отдела:

– Можно, согражданин Маурья?

Тот кивнул.

– Есть предложение. Возобновить эксперименты с проникновением во Время.

Правый консул тут же подскочил:

– Запрещено поправкой Джексона-Линдсена.

Следом вскочил Левый консул:

– Поправка Джексона-Линдсена отменяется в чрезвычайной ситуации.

– Чрезвычайное положение не объявлено. Отклонено.

– А я еще не ввел чрезвычайное положение? – искренне удивился Автарк.

– Нет! – в один голос ответили сенаторы.

– Тогда ввожу! – рявкнул Автарк.

– Принято, – так же в один голос сказали консулы и одновременно сели.

– Продолжайте, Ученый, – кивнул Клаус Маурья.

– Итак, нам необходимы настоящие солдаты. Воины. Бойцы. Мы уже проанализировали исходные данные. Выдерживать по одному человеку из каждого времени нецелесообразно. Во-первых, это потребует массу энергии. Во-вторых, много времени уйдет на адаптацию воинов друг к другу и к нынешнему времени. Гораздо экономичнее перенести из прошлого целую воинскую часть, уже спаянную, обученную, прошедшую войну. Таких объектов мы насчитали лишь несколько. Наиболее близкий к нам по времени – отряд китайского спецназа из середины двадцать первого века. Минус один и очень весомый: если они сочтут нас врагами, то мгновенно перейдут на сторону ящеров...

– Что надо сделать, чтобы они так не сделали?

– Расчет показывает, что наше общество абсолютно не соответствует идеям китайского социализма середины двадцать первого века. Контакт маловероятен.

– Понятно. Далее.

– Американские морские пехотинцы начала двадцать первого века. Расчет показывает, что они откажутся воевать, так как мы не сможем обеспечить уровень комфортности боевых действий.

– Чего не сможем обеспечить?!

– Обеспечить уровень комфортности, Автарк!

– А разве на войне бывает комфорт? – искренне удивился Главнокомандующий.

– Архивные данные говорят, что нет. Но американцы начала двадцать первого века были свято убеждены в этом.

– Хм... Оставьте этот вариант как запасной. Что еще?

– Мы остановились в изучении на уровне середины двадцатого века.

– Почему?

– Понимаете, можно перетащить сюда даже спартанцев времен царя Леонида...

– Даже так?

– Никаких особых ограничений по глубине проникновения в прошлое у нас нет; впрочем, дело вовсе не в этом. Важно то, что эти спартанцы не умели толком ни читать, ни писать. В совершенстве владели только холодным оружием. Слишком долго их обучать нашей технике. Если вовсе воз-

можно, уж очень сильна окажется инерция мышления.

– Понятно. Хорошо, так что у нас с XX веком?

– В середине XX века шла самая кровопролитная война за всю историю человечества. Вторая мировая.

– Можно подробнее?

– Конечно. Зачинщиками этой войны были так называемые немцы, которые напали на всех. Потом русские победили немцев ценой огромных потерь. Правда, с небольшой помощью американцев и англичан. Ну, еще немного с помощью французов.

– Я помню школьный курс истории, – раздраженно бросил Автарк, будто и не просил только что рассказать подробнее.

– Так вот. Лучшие армии того времени – немцы, японцы и, соответственно, русские.

– Поясните.

– Немцы тогда отличались невероятной дисциплиной и хладнокровием. Японцы – отчаянной храбростью. Русские...

– Что?

– Всем в совокупности. И самое главное, наплевательским отношением к собственной жизни. Именно поэтому они и смогли победить. К тому же немцы в те годы были одержимы идеей превосходства их нации над всеми остальными, как, впрочем, и японцы. Безумная храбрость у них сочеталась с безумной жестокостью – в отличие от тех же русских. Например, японцы ставили на пленных бактериологические и

микробиологические опыты, немцы физиологические. Русские были более гуманны.

– И что именно вы предлагаете, согражданин Ученый?

– Предлагаю вытащить из прошлого элитную часть русских военных формирований. Так называемый штрафной батальон.

– Что это такое?

– Это бывшие офицеры, совершившие те или иные уголовные или воинские преступления.

– Преступники?! – ахнул Автарк, подсакивая.

– Да, согражданин, преступники. Но преступники, имеющие трехлетний опыт войны. Преступники, имеющие военное образование. Преступники, искупившие свою вину кровью. Преступники, которые могут спасти нас. Всех нас...

Маурья помолчал и покосился на консулов, однако те хранили молчание. Значит, закон не нарушен и спорной ситуации нет. Можно ставить на голосование.

– Кто за русский штрафной батальон? Прошу поднять руки. Кто против? Воздержался? Единогласно!

Автарк снова встал и слегка поклонился в сторону Ученого:

– Приступайте, согражданин. Надеюсь, мы никогда не пожалеем о принятом решении.

Консулы переглянулись и кивнули.

– Да, и подготовьте мне подробную сводку по событиям Второй мировой войны. Мне ведь придется общаться с на-

шими... гостями.

Теперь кивнул, старательно пряча улыбку, только лишь один Ученый.

– Стоп! – вдруг сказал Автарк и снова сел в кресло. – А как же хронотеории? Парадоксы бабочки и прочие петли времени? Причинно-следственная связь, наконец?

Руководитель научного отдела улыбнулся:

– Вот тут-то как раз все продумано. Мы вытащим подразделение, однозначно обреченное на смерть. Буквально в последние доли секунды перед их гибелью мы применим хронозаморозку и вытащим солдат в наше время. Никаких парадоксов не будет.

– Подразделение уже выбрано?

– Аналитики еще работают. Как только найдем подходящих бойцов, приступим немедленно. Просьба подключить лабораторию к дополнительным источникам энергии и снять все ограничения по ее расходованию.

– Принято. Выполняйте. Заседание окончено.

Над миром людей забрезжила слабая, очень слабая заря надежды.

Глава 3

Прошрое, 1944 год

Колонна студебекеров не задержалась и прибыла точно к семи утра. Батальон уже стоял у дороги в полном боевом снаряжении. Крупенников командовал, и солдаты сноровисто погрузились в грузовики; сам комбат вместе с особистом и начштаба уселся в штабной «Виллис» с открытым верхом. Вопреки ожиданиям Крупенникова, никакой охраны для штрафников предусмотрено не было. Особист понял его мысли и усмехнулся, запрыгивая в джип с легкостью, плохо сочетавшейся с грузным телом:

– А зачем охрана? Из штрафбата не бегают. Ну, куда ты без документов и знаков различия из прифронтовой полосы денешься? Первый патруль сцапает.

– А если лесами? – спросил комбат.

– И дальше что? Всю жизнь прятаться? За побег из штрафного батальона наказание одно – расстрел. Да и свои не дадут сбежать.

– Почему не дадут? – полуобернулся майор к особисту.

– А это уже моя новация. Подразделение, в котором случается ЧП, ставится на самый опасный участок. Если в атаку, то первыми, на пулеметы или под танки...

– Своеобразная децимация...

Лаптев индифферентно разглядывал лес, мимо которого

проезжали, старательно делая вид, что разговор его нисколько не интересует.

– Майор, а тебе не кажется, что командир батальона должен в бою решать, какое подразделение и где будет драться? – Крупенников впервые назвал особиста на «ты». А чего, собственно, бояться? В одном чине ходят...

– Майор, ты того, не залупайся, – негромко сказал, нагнувшись к комбату, Харченко. – Задачи у нас разные, но выполнять мы их должны сообща.

– Задача у нас одинаковая. Выиграть войну с наибольшим эффектом и с наименьшими потерями, майор.

– Ничего ты, Крупенников, так и не понял! – раздраженно отмахнулся особист, откидываясь на спинку сиденья. И замолчал – то ли оттого, что не хотел дальше продолжать разговор, то ли дорога пошла ухабистая. «Виллис» трясло так, что пассажиры подпрыгивали на креслах, ежесекундно хватаясь за поручни и борта кузова. Была б над головой твердая крыша – шишек бы набили о-го-го сколько...

В конце концов, Крупенников не выдержал и рявкнул на водителя:

– Да поосторожнее ты! Не картошку везешь!

Тот втянул голову в плечи и постарался ехать аккуратнее, однако помогло это не шибко – дорога была в хлам разбита танками, саушками и арттягачами еще во время наступления. Проселок дорожники ремонтировать не собирались – людей не хватало даже на ремонт главных дорог. Тряска

стала меньше лишь тогда, когда колонна свернула на укатанную лесную дорогу. Правда, пыли меньше не стало. Зато те- нечек... Хорошо!

Кое-как устроившись на трясучем сиденье, Крупенников погрузился в размышления над заданием фронта. Батальону предстояло ночью сменить гвардейскую пехоту и за час до рассвета ударить без артподготовки по позициям немцев. По данным разведки, у немцев было три линии траншей, и батальону необходимо было пробить все три и за- крепиться. Лишь после этого в прорыв должны были пой- ти танки с десантом. Затем батальону ставилась задача ид- ти вслед за танками, добывая уцелевших фрицев и зачищая захваченные позиции. Хорошо, что перед ними стояли не эсэсовцы, а пехота третьего формирования, фактически – необученные призывники. Причина была, в общем, понят- на: немцы спешно пытались заткнуть огромную дыру, об- разовавшуюся после гибели в белорусских болотах группы армий «Центр». Затыкали всем, что попадется, – полевы- ми дивизиями люфтваффе, девятисотыми штрафдивизия- ми, пятисотыми штрафбатальонами, тыловиками и зенит- чиками, спешно перебрасываемыми даже из Франции. Но стальные клинья советских танковых армий рвали любую оборону фрицев, и на острие одного из таких ударов ока- зался штрафной батальон майора Крупенникова. Комбату вдруг вспомнилось старинное слово – «Чекан». Откуда оно взялось?

Внезапно сердце майора забилося часто-часто, потом вдруг замерло, пропустив такт, потом снова застучало по клетке из ребер. Быстро-быстро так застучало. Мир неожиданно замер, застыл на долю секунды. Замер водитель «Виллиса», закусив нижнюю губу, замерли листья на деревьях, замерла пыль в воздухе, замер, словно внезапно загустев, сам воздух. Затем краски исчезли, и все стало черно-белым. Странное чувство нереальности происходящего на мгновение охватило майора, но через секунду все прошло. Вернулись краски, звуки, запахи, ровно забилося сердце. Майор даже не успел испугаться.

Осталась лишь некая необъяснимая нереальность происходящего, и Крупенникову вдруг подумалось, что это не он. Как будто бы он настоящий глядит на себя со стороны, словно смотрит про себя кино или читает книгу. Причем фильм еще снимается, а книга еще пишется. Прямо здесь снимается и прямо здесь пишется.

Эти странные и даже откровенно-пугающие мысли были прерваны внезапным и вполне реальным разрывом. Впередиидущий студебекер внезапно вспух огненным шаром и опрокинулся набок, разлетаясь по обочинам пылающими обломками кузова и кабины.

Водитель «Виллиса» резко ударил по тормозам, и Крупенников вмазался носом в лобовое стекло. После чего немедленно выпрыгнул из машины.

– Немцы! Немцы! – бойцы штрафбата стали выпрыги-

вать из грузовиков, беспорядочно паля в окружающий дорогу лес.

В ответ из леса ударил еще один орудийный выстрел. И вспыхнул рвущимся бензиновым пламенем, развернувшись поперек дороги, еще один грузовик.

– Танки! – заорал пробегающий мимо Крупенникова боец. И впрямь из кустов, с хрустом сминая подлесок бронированным лбом и облепленными глиной узкими гусеницами, высунулся угловатый корпус «четверки». Похоже, всего одной... твари бронированной. Длинный хищный ствол семидесятипятимиллиметровой пушки, увенчанный ажурным грибом пламегасителя, уже выцеливал новую цель – всех делов-то панцermanам чуток башню повернуть – и ага...

– Пэтээрщики! Пэтээрщики! Валите эту суку! – стирая кровь, стекающую из разбитого носа, закричал Крупенников.

Но «эта сука», разумеется, оказалась плотно прикрыта пехотой.

И в лоб атакующим штрафникам ударили два пулемета «МГ» и винтовки...

Интерлюдия

– Идут, скоты... Как у себя дома. Идут и не боятся, – тихо ругался старший сержант НКВД Харченко, наблюдая, как немецкие грузовики, танки и полугусеничные бронетранспортеры вздымали июльскую пыль белорусских дорог.

– Надоело, блин, прятаться! – ответил ему боец Горох. – Давайте ударим, тащ старший сержант. Ведь от самой заставы отступаем. Ну, сколько ж можно?

– А чем ударим? Две винтовки, пистолет и граната.

– Вы как хотите, товарищ старший сержант, а я гранату сейчас попользую.

– Сидеть, Горох! Я что, один документы тащить буду?

– Документы, документы... Да кому они на хер нужны, те документы, когда немцы – вот они.

– Слышь, боец... Всею свое время. Дойдем до наших, будем и с немцами драться. А сейчас у нас приказ начальника заставы доставить документы.

– Вот и доставляйте, тащ старший сержант.

И боец погранвойск НКВД Горох пополз навстречу немцам.

А старший сержант тех же погранвойск того же НКВД Андрей Харченко лежал и, не дыша, смотрел. Смотрел, как его боец ужом скользнул в придорожных кустах. Смотрел, как он достал гранату, сдвинул предохранитель и припод-

нялся для броска на одно колено. Смотрел, как взорвался тупорылый серо-зеленый немецкий грузовик и как попрыгали оттуда объятые пламенем фрицы.

А потом он выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и побежал в глубь леса, придерживая мешок с документами и знаменем заставы. Бежал, глотая слезы; бежал и не видел, как рядового Гороха расстреляли в упор из карабинов, а потом добавили для верности прикладом.

Кровавый шоль сорок первого...

* * *

Майор Харченко стрелял из своего «нагана», встав на колено и не обращая внимания на осколки. Проклятый немецкий Pz-IV Ausf. Н лениво ворочался в изломанных кустах и плевался фугасными снарядами по распластавшемуся вдоль дороги батальону. Очень так прицельно, к сожалению, плевался... Противотанковые пули только звонко цвиркали по толстокожей лобовой броне, покрытой остатками немагнитного циммерита, или теряли силу, прошивая жестяные фальшборта башни и отскакивая от основной брони. Тем временем Крупенников, вытирая кровь с лица, поднимал во фланговый обход роты Свинцова и Зайца.

Когда они, наконец, отжали фрицев, проклятый панцер дернулся было следом, но не успел. Кто-то из солдат ловко метнул противотанковую гранату под гусеницу, разорвав

ее аж в двух местах. Обездвиженная «четверка» успела еще раз неприцельно рывкнуть орудием, но штрафбаты уже бросили ей под брюхо новую гранату. А после двое бойцов вскарабкались на кружащуюся на месте обреченную бронемашину, приоткрыли люк командирской башенки и забросили внутрь одну за другой пару «лимонок». И со всей возможной скоростью сиганули прочь. Внутри гулко бухнуло, затем рвануло еще раз, уже куда сильнее. Выбитые ударной волной крышки люков, кувыркаясь и сбивая с деревьев ветки и листья, отбросило далеко в стороны, а сорванная с погона башня медленно, будто нехотя, сползла куда-то вбок. И натворившая столько бед тварь замерла, воняя на весь лес смрадной гарью синтетического бензина и сладковатым запахом горелого человеческого мяса...

Скоротечный бой закончился.

– Вот прендегасты! – коротко и зло выругался Лаптев. – И откуда они тут взялись?

– Окруженцы, – хрипло ответил ему Харченко, перезаряжая барабан своего «нагана». Руки у него мелко тряслись, как всегда после боя. Особист этого стеснялся, хотя и знал, что это не от трусости. – Мы когда-то так же тут...

– Здесь начинал, майор? – прыгнул в кювет комбат.

– Немного южнее. Ранен?

– Нос разбил. Он и так у меня ломаный, да тут еще в стекло вмазался, когда водитель тормознул. Кстати, где он?

– Хер его знает. Где-то тут, наверное, – тяжело дыша, от-

ветил Лаптев.

— Командиры рот! Доложить о потерях, — гундосо крикнул Крупенников, поднявшись во весь рост. И добавил, покачивая головой: — Ты смотри, что натворила, тварь. Три грузовика в хлам.

В белорусское небо поднимались четыре столба черного вонючего дыма.

А немецких трупов оказалось всего семь, если не считать тех, кто догорал, размазанный по стенам боевого отделения, в танке. И один раненый. Штрафники не любили брать пленных. Не любили, но иногда приходилось.

Экспресс-допрос провел особист. Выяснилось, что фрицев было двадцать человек, действительно окруженцы. У танка кончалось топливо и боеприпасы. Вот и решили атаковать русских из засады. Смертники, блин.

Немца наскоро перевязали и сунули в один из уцелевших грузовиков, строго-настрого приказав бойцам-переменникам довести пленного живым и слегка здоровым до передовой.

А вот после этого начались настоящие проблемы. Или даже так — ПРОБЛЕМЫ. Когда грузовики догорели и их сбросили с дороги, командиры рот долго копались в воняющих горелой резиной остатках студебекеров. Потом они медленно пошли к «Виллису». Лица у офицеров были, мягко говоря, *озадаченными*.

— Что так долго копались? — раздраженно рявкнул комбат.

– Товарищ майор... – начал Заяц. В этот момент он отчего-то перестал напоминать волка, став похожим именно на зайца. Беляка. Ибо лицо его было белым как мел.

– Что мнетесь, как барышня после променада? Докладывайте, старший лейтенант! Что у вас с потерями? – подключился к разговору Харченко, тоже почуяв недоброе.

– Так это... нету потерь...

– В каком смысле нет? – поднял голову приготовивший акты Лаптев.

– У меня пропали первый и четвертый взвод, – уставился на свои сапоги Заяц.

– Что значит пропали? Как так пропали? Старлей, ты соображаешь, что говоришь? – крикнул на Зайца Харченко.

– Соображаю, товарищ майор. В сгоревших машинах нет трупов солдат. И оружия нет. Ничего нет. Вообще. Как будто испарились.

– Заяц, ты пьян, что ли? – не выдержал Крупенников.

– Идите и посмотрите сами, – внезапно обиделся старлей.

– Посмотрим, не переживай. А у тебя, Петровский? Тоже потерь нет?

– Так точно, товарищ майор, нет, – убитым голосом ответил командир первой роты. – Только пропавшие без вести.

– А ну пойдем, посмотрим! – сорвался с места Харченко. За ним скорым шагом двинулись Крупенников с Лаптевым. Хотя обоим очень хотелось побегать, но командирам в армии суетиться не положено.

Они долго копались в остатках догоревшего переднего грузовика, но ровным счетом ничего не обнаружили – ни обгоревших трупов, ни личного оружия, ни даже звездочек с пилоток. И в двух других – то же самое.

– Шестьдесят два штрафника пропали без вести, – убито подытожил капитан Лаптев.

– Плюс двое моих, – буркнул подошедший Свинцов.

– Тоже из грузовика сбежали? – мрачно спросил Харченко.

– Нет. Тут совсем странное что-то. Они бежали в атаку, как все. А потом пропали.

– Что тут странного? Рванули в лес и всё! – зло сказал Крупенников.

– Нет. Их бы заметили. Они именно *бежали*, а потом *исчезли*. Вообще. Как будто их и не было вовсе.

– Они что у тебя, привидения? Как исчезли? Ты можешь объяснить?

– Никак нет, товарищ майор, не могу, – мрачно покачал головой Свинцов.

– Подожди, товарищ майор, – остановил красного от гнева особиста комбат. – Ты машину, которая впереди шла, помнишь?

– Помню, Крупенников. Вот она, – кивком показал на обгорелый остов начальник особого отдела.

– Полог был откинут, и было видно бойцов, сидящих в кузове. Так?

– Ну? И к чему это ты?

– А к тому, что из машины, в которую ударил первый снаряд, *никто не выскочил*.

– Твою мать... – Харченко схватился за голову. – А ведь точно... Меня контузило, что ли?

– Да нас всех в таком случае, похоже, контузило, товарищ майор. Кстати, водители тоже пропали.

– Может быть, немцы какое новое оружие применили? – подал голос Заяц.

– Следаки из военной прокуратуры и СМЕРШа разберутся, – ответил ему Крупенников.

– А пока они разбираются, *гражданин* майор, мы с вами будем исполнять обязанности переменного состава батальона вместо пропавших штрафников. А на наши места поставят уже других, – Харченко прикусил нижнюю губу, став похожим на озлобленного бульдога. Вместо ответа Крупенников шмыгнул разбитым носом и крикнул:

– По машинам!

Колонна двинулась лишь через пять минут, поскольку оказалось, что вместе с водителями трех грузовиков пропал еще и шофер командирского «Виллиса». За баранку пришлось сесть самому комбату. Зато трясти стало меньше. Крупенников оказался осторожным шофером. Он аккуратно объезжал ямы и воронки и никуда не спешил. Потому как думал о том, что случилось. Впрочем, Харченко и Лаптев, похоже, думали о том же самом, потому за весь остаток

дороги никто не проронил ни слова. А вот когда добрались до места, начались чудеса. Харченко убежал докладывать-ся своему начальству, Крупенников – своему. Причем каждый в ожидании того, что вернется в батальон уже в качестве штрафника...

– Майор Крупенников в ваше распоряжение прибыл, товарищ генерал-майор!

– Один? – проворчал пухлый лысый генерал, внимательно разглядывавший огромную карту, раскинутую на столе.

– Никак нет! Вместе с вверенным мне отдельным штрафным батальоном.

– Это хорошо... хорошо, – задумчиво кивнул командир дивизии. – Как добрались? Без приключений?

– Увы, – вздохнул майор Крупенников. – В лесу напорол-ся на немецкий танк и взвод пехоты. Немцы уничтожены, наши потери... – и тут комбат замялся, мысленно прощаясь с новенькими погонами.

– Какие потери? Что молчишь, как девка после греха?

– Шестьдесят четыре бойца переменного состава, трое офицеров – командиров взводов и четверо водителей из автобата пропали без вести! – выпалил на одном дыхании майор, пытаясь не зажмуриться. – Итого семьдесят один...

– Это как? – удивился комдив. – Что значит – пропали без вести? Поясните, майор!

– Танк успел расстрелять три грузовика, практически в упор. После боя оказалось, что в сгоревших машинах нет

тел. Оружие также не обнаружено.

– Сбежали?! – ахнул комдив. – Ты, майор, как там тебя...

– Крупенников.

– Ты, Крупенников, хоть понимаешь, что это значит? У тебя чуть не полбатальона дезертировало! Да ты сейчас сам под трибунал пойдешь!

– Одна машина шла перед моим «Виллисом». Я ее прекрасно видел. Оттуда по дороге никто не выпрыгивал. И я лично видел людей, сидевших у заднего борта за секунду до взрыва.

– Час от часу не легче, – генерал нервно заходил вдоль стола, тяжело грохоча сапогами. – У немцев что, уже сверхоружие появилось, которое людей испаряет вместе с оружием?

– Выстрел был произведен в упор, с расстояния примерно в сорок пять – пятьдесят метров, может быть, сила взрыва оказалась так велика...

– Что исчезло все, кроме автомобильного железа? – язвительно посмотрел на майора комдив. – Я, Крупенников, еще с Финской войны воюю, разное повидал, но таких баек еще не слышал.

– Товарищ генерал-майор...

– Я знаю, кто я такой! – заорал на комбата комдив.

Крупенников же, не обращая внимания на командирский гнев, продолжил:

– Пошлите прокурорских на место происшествия, пусть

они сами все осмотрят! Я не вру, честное офицерское. Мои слова могут подтвердить все командиры рот и взводов, а также начальник особого отдела майор Харченко.

– Харченко-хуярченко... Не учи ученого. Следствие разберется.

– Так точно, товарищ генерал-майор!

– Ну, раз точно, иди к карте. Смотри. Вот здесь ваш батальон утром пойдет в атаку. Перед нами стоит полевая дивизия люфтваффе, а вот за ними – сборная группа «Кампф», ее собрали из выбравшихся из котла эсэсовцев. Ваша задача прорвать оборону, выбить сброд из траншей и сдержать удар эсэсманов. Можно даже будет отступить, чтобы «Кампф» завяз на ваших позициях. Продержаться нужно около суток, затем танки и пехота ударят по флангам немцев, и мы получим маленький котел. Если ты со своими оставшимися четырьмя сотнями штрафников не подведешь, конечно. В чем я теперь уже не уверен. Пропаданцы, понимаешь...

– Не подведу, товарищ генерал-майор... – угрюмо буркнул Крупенников, не пряча взгляда. – Я ж не виноват, что у меня люди пропадают... бесследно, блин.

Генерал-майор раздраженно дернул щекой:

– А ты не пьян ли часом, а, комбат?

– Еще нет, – не подумав, ляпнул Крупенников. – Ой! То есть никак нет.

– А может, тебя того, контузило? Или закемарил в машине, сон приснился? Вот и не заметил, как твои подшефные в

лес сдернули? Что молчишь-то?

Говорить Крупенникову и вправду нечего было.

– Знаешь что, майор? Заходи-ка через час. Оклемаешься немного, поспишь, отдохнешь, протрезвеешь, может, таблетку какую примешь. А там и поговорим.

– Ну, я не пил, товарищ генерал-майор! Дыхнуть могу!

– Да я тоже могу... дыхнуть, – командир дивизии шумно отхлебнул из стакана что-то темно-коричневое. Потом, не морщась, поставил посудину, достал из-под стола бутылку коньяка и доплеснул до нормы, известной ему одному.

– Чай лучше пей, майор. Адмиральский. В моем случае генеральский. Иди. Жду через час. Вместе со своими штабными.

Странное чувство нереальности, начавшееся еще там, на лесной дороге, так и не покинуло Крупенникова. Более того, оно еще и, пожалуй, усилилось...

Следаки из прокуратуры вернулись лишь к вечеру и всё подтвердили. Бой был. Сгоревший танк, полностью уничтоженный в результате детонации остатка боекомплекта, семь немецких, начинающих уже подванивать, трупов, остатки трех студебекеров – и все. Больше ничего, никаких следов. К этому моменту Крупенников уже отзвонился в штаб фронта, доложил о прибытии.

– Что танк завалили, это хорошо, – сказал на вечернем совещании командир дивизии. – Как, кстати, сумели?

– А чего там уметь? Пехоту прикрытия частично положили, частично оттеснили в лес, зашли с флангов, гранатами закидали, делов-то! – пожал плечами Крупенников. А Харченко и Лаптев переглянулись.

– Да... Растет молодежь. Мы вот в сорок первом, помнится, и от «двоек» с «единичками» бегали по неопытности. А что тех танков? Ползут себе по полю, а ростом чуть выше меня, соплей перебить можно. А мы от них ох как бегали. Зато сейчас на средние танки, вон, в атаку без пушек бегаем. И без потерь...

Крупенников мысленно почесал затылок.

– Да и хрен с ним, с панцером этим, – продолжил комдив. – Давайте, товарищи офицеры, к делу. Начальник штаба! Докладывай.

И генерал-майор отхлебнул своего генеральского чая.

Глава 4

Будущее, 2297 год

Автарк мрачно курил, сидя в низком кресле. Курил и морщился от собственного же дыма, попадавшего в глаза. Сигареты уже давным-давно были безникотиновыми и лишёнными канцерогенных смол, но дым все так же раздражал глаза и заставлял кашлять по утрам.

А ученые и вспомогательный персонал лаборатории изображали активную деятельность. Поначалу руководитель проекта попытался было объяснить Маурье, что именно они делают, но тот лишь раздраженно отмахнулся. Все эти корреляции ассоциировались у правителя с каракатицами, а эксперименты с экскрементами. Не говоря уж про всякие там «имплозии» с «генерирующими активаторами темпор-поля». От этих терминов мозг рвался как вдоль, так и поперек.

По большому счету, Автарка интересовали лишь сроки. А этого-то как раз ему и не могли сообщить.

– Флюктуации у них... – проворчал он, мрачно смотря на суесящихся лаборантов. – У всех флюктуации. У меня их – каждый день по десять штук в час, и все решать надо. А кроме меня – кто решит?

Если бы Автарк мог, он бы сейчас разгневался. Но ген «горячей агрессивности» ему заморозили еще до рождения, как, впрочем, и всем остальным эйкуменцам. Ну... или по-

что всем, но *об этом* как-то не принято было вспоминать... Собственно говоря, именно благодаря успехам психогенетики человечество и стало таким, каким оно сейчас и было. Активным, любопытным, радующимся жизни, стремящимся познать свой мир, ни в чем себе при этом не отказывая. Но – мирным. Не жестоким. Не умеющим ни воевать, ни доставлять боль и страдания какому бы то ни было живому существу.

По крайней мере, так казалось...

По крайней мере, в этом не принято было сомневаться...

Гены «холодной» или, как называли это психогенетики, инструментальной агрессии были сохранены, иначе человечество просто вымерло бы в благодной нирване покоя. Впрочем, были радикалы, которые предлагали и холодную агрессию вывести, но, к счастью, здравые умы выбрали золотую середину и сохранили конструктивную агрессию.

Но вот сейчас вдруг выяснилось, что ее совершенно недостаточно для того, чтобы люди сумели защитить себя и дать отпор врагу. Из неведомых джунглей Дальнего Космоса высунулась окровавленная пасть. И она расширялась и расползалась, пожирая одну планету за другой. Конечно, можно было провести и обратную генмодерацию, но что это даст? Пока поколение «агрессивных» людей подрастет, достигнув комбатантного возраста, человечество просто исчезнет...

– Автарк, в принципе, у нас все готово, – голос руководителя проекта вернул к реальности задумавшегося Клауса.

– В каком принципе? – попытался пошутить правитель.
– В обычном, гиперрелятивистском! – пожал плечами тот.
– Ну да, ну да... Каковы гарантии успеха вашего опыта?
– Никаких, – нервно огладил белый халат подошедший заведующий хронолабораторией. – Хроноскоп действует нормально, его мы отладили уже давно. Впрочем, вы наверняка слышали о новых методах исторических исследований, доклад о которых делал наш коллега, старший доцент института...

– Короче, прошу вас! – Автарк историей не увлекался, резонно считая, что человечеству надо смотреть вперед, а не оглядываться постоянно назад.

Завлаб сбился на секунду, но продолжил:

– А опыты по хронопереносу мы не проводили – Сенат и вы лично запретили нам экспериментальные исследования, поэтому мы ограничились теорией, создав многомерные математические модели, а также эскизный проект установки. Только это и помогло нам в кратчайшие, всего три недели, сроки создать Изделие...

– Изделие? – вскинул брови Маурья.

– Да, мы решили упростить название объекта. Ибо это не совсем прибор, а, скорее, целый комплекс...

– Его можно увидеть? – снова перебил он ученого.

– Вы находитесь внутри него.

– Внутри? – удивился правитель.

– Да. Это здание, компьютеры, приборы, люди и даже мы с

вами – отдельные части Изделия. Дело в том, что хронокон-
тинуум непосредственно связан с континуумом простран-
ственно-материальным. Ведь время, упрощая сие понятие,
есть скорость изменения материи по отношению к другой
материи; в нашем же случае – корреляция обратна. Чем мед-
леннее изменяется объект, тем быстрее преодолевает он вре-
менное расстояние между веками. Мы как бы заморозили на
атомарном уровне изменения материи объектов...

Вспотели оба, и Автарк, и завлаб. Первый честно пытался
понять ученого, второй то и дело удерживал себя от попыток
объяснить происходящее на более привычном языке формул
и чисел.

– Когда объекты будут здесь? – спросил Автарк.

– Они уже здесь.

– Это-то каким образом?! Ведь сами сказали, что процесс
только начался!

– Перенос мгновенен. А вот адаптация займет около неде-
ли, тем более, их сознание все еще в прошлом.

– Так вы что, трупы сюда перекинули?

Завлаб тяжело вздохнул:

– С их точки зрения, трупы – это мы. Мы просто не суще-
ствуем для восприятия этих людей...

Автарк окончательно отказался что-либо понимать:

– А закончите вы когда? Время не ждет!

– Вот именно, что *у нас* время ждет, – горделиво ответи-
ли руководитель проекта и завлаб практически одновремен-

но. – Все будет готово через неделю. Не забывайте, что, помимо необходимой после переноса психореабилитации, мы должны дать им основные знания о нашем мире. Сейчас они даже всеобщим языком не владеют, не говоря уже о чрезвычайном, просто катастрофически низком уровне научных и технических знаний. Процесс ускоренного гипнообучения как раз и займет неделю. Минимум.

– Если через неделю вас ящеры жрать не будут, – буркнул Автарк. – На них посмотреть-то хоть можно?

– На ящеров?

– На объекты.

– Да, конечно. Идемте...

Прошрое, 1944 год

Утро выдалось туманным.

– И увидел комбат туман, и сказал, что это хорошо. И стал туман быть, – прокомментировал Лаптев, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в мутной молочной пелене.

– Утро туманное, утро седое, – неожиданно козлиным голосом спел из-за плеча Харченко.

– Тьфу ты! – ругнулся на особиста Крупенников. – Не подкрадывайся. Стрельнуть могу!

– Я те стрельну, – беззлобно ответил особист, но петь перестал.

– Баба-яга, млять, в тылу врага... – усмехнулся Лаптев.

– Тебя чего сегодня на афоризмы тянет? – буркнул Кру-

пенников, не отрываясь от бинокля, хоть это и было совершенно зряшным делом.

– Нервное, товарищ майор!

– Ааа... ну, бывает.

Минуты тянулись медленно, муторно. Словно муха, попавшая в мед, – пытается вытянуть одну лапку, а другие за-вязывают все больше, и муха та все медленнее и медленнее движется. Крылышками жужжит, а толку никакого. Так и минуты перед боем, да и не только перед боем. Иногда Крупенникову казалось, что бой – атака ли, оборона – это спрес-сованная квинтэссенция всей человеческой жизни. Жизнь и смерть, а между ними нейтральная полоса. И больше во всей Вселенной нет ничего, кроме тебя, врагов в фельдграу и этой исковерканной железом земли. И ты сейчас один. Нет, конечно, рядом стоят бойцы и тоже ждут, сжав до судорог в пальцах автоматы, но на самом деле ты все равно один. Это только в тебя летят пули, осколки, мины, снаряды, штык сделавшего выпад вражеского пехотинца. Да, те, что свистят где-то возле уха, проносясь по-за самым краешком сознания, те – мимо. Но все одно ты будешь кланяться каждому из свистов, потому что ты хочешь жить. Потому что сейчас ты, майор Крупенников, – само средоточие жизни. Жития твоих предков, давших тебе возможность вдохнуть влажный воздух самого главного утра. Жизни твоих детей, еще не рожденных, но верящих в то, что Виталий Крупенников – будущий папа, дедушка, прадедушка – переживет этот день и родит

их всех.

Перекрестие жизни.

Вечный твой крест, майор Крупенников. Жить ради жизни. И убивать ради жизни.

Капелька пота сбежала по виску, щекоча тонкую синеватую жилку, бьющуюся под кожей.

— ...я ей, главное, говорю, день рождения у меня! А она в слезы, дура. И молчит, главное. Я водки ей наливаю, она ее со стола смахивает. И еще больше ревет. Я ей — ну чего ты, дура, реवेशь? А она мне хлопбысь пощечину! И чего, главное, пощечину-то? Чего я сделал-то? Ну, выпил с мужиками после работы, и чего?

Крупенников захотел было оглянуться на захлебывающийся в воспоминаниях голос, но не успел. Секундная стрелка медленно и тягуче шелкнула по римской цифре «12» и словно замерла, ожидая, пока комбат, продрав руку через вязкий, ватный воздух, подымет ракетницу и выпустит в воздух ракету.

И траншея загремела железом. Штрафники, выбираясь из окопов, поползли в атаку. Именно поползли. Это только в кино в атаку бегают, а в жизни все сложнее, да. Когда первые шеренги исчезли в тумане, время еще больше замедлилось, хотя казалось, уже больше некуда, а майор Крупенников еще больше занервничал, хотя тоже казалось, что больше уже некуда.

И когда туман вдруг взревел грохотом разрывов, когда ти-

шину разрезали густые очереди пулеметов, когда молочная белизна утра полыхнула изнутри красным, майор даже облегченно вздохнул.

Началось!

Но что именно там началось, комбат не видел. Оставалось только догадываться, что там и как. А вот этого он не любил, поскольку знал – выпускать из рук управление боем равносильно поражению, а, значит, и смерти.

– Эй, боец! – окликнул Крупенников невысокого бойца, лицо которого было усыпано веснушками так густо, что казалось, кто-то измазал его в краске. – Фамилия как?

– Иванов, гражданин майор. 1-я рота, 3-й взвод.

– Временно откомандировываю тебя, Иванов, – сказал комбат, подумав, что везет ему на эту фамилию.

– Так точно, – совершенно не удивился рыжий штрафник. И с сожалением, да, да, именно *с сожалением*, посмотрел на туман, в котором грохотал бой.

Крупенников усмехнулся:

– Связным у меня побудешь. Сейчас бегом вперед, выясни, что там, и пулей обратно. Понял?

– В лучшем виде все сделаю, гражданин майор! – осклабился рыжий, ловко выскочил из траншеи и побежал вперед. Сначала зигзагами, низко пригибаясь, затем вдруг нырнул и ужом пополз между воронок. Потом вовсе исчез.

– Однако, – одобрительно сказал Крупенников. – Профессионально...

– А у нас большинство таких, товарищ майор, – ответил Харченко. – Иванов из разведки. Пятнадцать языков у него лично, тридцать шесть в группе. По поводу представления на Героя нажрался и особисту так морду начистил, что того с переломами лица в госпиталь. Ну, а Иванова, понятно, сюда.

Харченко рассказал эту историю спокойно, как будто бы даже одобряя действия разведчика.

– Ну, положим, не все такие, – вступил в разговор Лаптев, сосредоточенно разглядывая карту и делая на ней свои пометки. – Правда, Белогубов?

Пожилой, а на войне все, кому за сорок, отчего-то кажутся пожилыми, боец Белогубов, бывший военный прокурор, согласно кивнул. Так он ползать не умел. Зато умел кое-чего другое...

Интерлюдия

Молоденький танкист сидел на броне, свесив ноги и задумчиво жуя травинку. На войне он был вот уже целых три дня – некоторые и меньше бывали. Но повоевать не успел – до фронта их танк добраться не смог. Да и танк-то... одно название, что танк. «Т-70». Кто в курсе, тот поймет, ага... Мотор забарахлил, пока ковырялись в двигателе, колонна уже ушла. А летучка техников где-то застряла. И делов-то всего было, что фильтр сменить. Забило пылью летних белорусских дорог.

Экипаж отправился до города с каким-то женским именем, не то Оля, не то Катя... а, Лида! А зеленого новобранца оставили сидеть, так сказать, на посту. Танк сторожить. Хорошо хоть пожрать оставили и воды полфляги. После килограммового «второго фронта» вполне ожидаемо задремалось на солнышке, поэтому танкист проснулся лишь тогда, когда кто-то рявкнул прямо над ухом:

– На посту спим, боец?

Парнишка едва не свалился с брони, где прятался от солнца в куцей тени граненой башни. Перед ним стоял, покачиваясь с пятки на носок, краснолицый очкастый военюрист с погонами полковника на плечах. За спиной полковника пофыркивала пыльная «эмка».

– А вот если немцы идут, а ты спишь?

– Никак нет, товарищ полковник!

– Молчать! – заорал офицер в ответ. – Расстреляю!

Танкист понял, что полковник в стельку пьян. Перегаромшибало так, что листья вяли. А когда начальник пьян, лучше с ним не то что не спорить, а даже и не разговаривать. Все равно виноватым окажешься как минимум в продаже Родины по ценам Торгсина.

– Эй! – обернулся полковник к своей машине. – Всем ехать в штаб. Доложить там генералу, что полковник Белогубов остался задерживать немецкое наступление. Задержу до выяснения, а там посмотрим!

– Товарищ полковник, – из машины донесся умоляющий голос водителя.

– Исполнять! Расстреляю! – и офицер вытащил из кобуры «ТТ», направив его на машину. Водитель, видимо, хорошо знал нрав своего хозяина, а потому без разговоров выжал газ и исчез в клубах поднятой машиной пыли. Полковник удовлетворенно улыбнулся и обернулся к парнишке-танкисту.

– Ну что, сынок, повоюем? Заводи своего коня полупедального.

– Товарищ полковник, у него фильтры забило, командир в Лиду отправился, за летучкой и все такое. Я вот на посту стою...

– Личною волей снимаю тебя с поста, – вальяжно махнул рукой полковник.

Парнишка, конечно же, знал Устав и помнил, кто такие

разводящие и караульные. Но свой-то автомат он оставил в танке, а у пьяного полковника был пистолет, которым тот размахивал так, что случайно сбил дулом муху.

— И не спорь с прокурором дивизии! А то у меня — ух как! — и полковник показал кулак. Волосатый такой. Танкист и не думал спорить. Только головой кивнул.

— Значит, будем делать из танка ДОТ. Я полезу от фрицев отбиваться, а ты танк окопай.

Полковник с трудом забрался в машину. Бог, как известно, хранит пьяных, иначе бы прокурор обязательно сломал себе шею. Особенно когда упал с танка во второй раз — фуражкой вниз. Ну и головой, соответственно, тоже...

Фуражку парнишка бережно поднял, отряхнул от пыли и спрятал под днище. Проспится полковник, в себя придет и спросит, а где, мол, моя фуражка? А фуражечка-то вот она! И скажет товарищ полковник танкисту: молодец солдат, бережешь военное имущество! Как фамилия?

Больше танкист ничего подумать не успел. Полковник, оказывается, вовсе не уснул в башне, хотя тишина и стояла весьма подозрительная. Он просто нашел в боеукладке снаряды, зарядил сорокапятимиллиметровку и куда-то выстрелил. А потом заорал:

— Смерть немецким оккупантам! Ведь в бой идут советские юристы!

И так стрелял, пока не угорел от пороховых газов и не уснул на полу, облевавшись. Единственным ущербом герои-

ческой стрельбы полковника Белогубова стала коза, внезапно оказавшаяся на линии выстрела. Да еще несколько кубометров леса.

На суде полковник клялся, что даже не представляет себе, как танк внутри устроен. К чести бывшего прокурора, солдатика он за собой не потянул и в штрафбат ушел один. А тот солдатик, получив взыскание и массу нарядов, свою медаль получил. И не одну. Но это уже другая история...

*** * ***

Иванов вернулся совершенно ошалевший:

– Граждане командиры, это надо самим видеть.

– Что видеть? – не понял Крупенников. А Лаптев и Харченко переглянулись.

– ЭТО, – многозначительно ответил им разведчик. – Увидите – сами поймете...

– Да что это-то, мать твою?! Объясняй по-человечески!

– Да наши без потерь прошли! Фрицев, как капусту, нашинковали, а потерь нет! Только легкораненые.

– Хм... – издал неопределенный звук Харченко.

Глава 5

Прошрое, 1944 год

Все оказалось так, как и говорил Иванов. Ну, или «почти так». Потерь и впрямь не было. Вообще. Ни одного погибшего. Зато четверть батальона, поднявшегося в атаку, как корова языком слизала. И ни одного тела на поле боя.

Только легкораненые довольно шипят, когда санитары им раны перевязывают.

Первый раз в жизни Крупенников видел, как люди радуются простреленным плечам или рассеченным бровям. А чего ж не радоваться-то?! Судимость снята, смыва пролитой в бою кровью, можно честно надевать свои погоны и награды. А перед этим – отдохнуть недельку в санбате...

И это было бы интересно Крупенникову. Очень интересно.

Но – в другой раз.

Не в этот...

Комсостав батальона собрался в захваченном немецком блиндаже. Даже и прибираться особенно не пришлось, так, кровь замыли по-быстрому. А бумажных голых баб на стенах на этот раз не было.

«Жаль», – рассеянно подумал Харченко, тайком собиравший коллекцию немецкой порнографии. Особисты, они ж тоже люди, порой даже куда человечнее некоторых.

Командиры рот и взводов сидели, как пришибленные.

– Ну?! – не сдержался Крупенников.

– Товарищ майор... – начал старший лейтенант Заяц.

Комбат еще не успел толком разобраться в отношениях между офицерами постоянного состава батальона, но уже понимал, что Заяц один из самых авторитетных его командиров. По крайней мере, он всегда начинал докладывать первым. Даже сейчас, когда ситуация была... Идиотской ситуация была. Четыре сотни бойцов поднялось в атаку. Три дошло. Остальные исчезли.

– Прямо передо мной боец исчез, – нахмурясь, говорил Заяц. – Бежал, бежал – и исчез. Как и не было. Я сначала даже не понял, бегу и машинально перепрыгиваю, мало ли – тело упало. А потом вдруг как будто время остановилось... не, не так, не остановилось, а замедлилось, что ли? Ну, чисто как в кино, когда пленка медленнее крутится... Не поверите, но я все железо это летающее, будь оно трижды проклято, видел! Смотрю, хвостовик минометный летит, кувыркаясь. Прямо моему взводному-три в голову, а тот и не дернулся даже. И я будто в киселе каком-то, ни рукой не пошевелить, ни ногой. Вдруг раз – и нет взводного. И хвостовика того нет. Как и не было. А потом все обратно вернулось, и скорость обычная, и звук...

– Мы когда в траншею прыгнули, немцы оттуда тараканами побежали, – неожиданно добавил лейтенант, фамилию которого Крупенников так еще и не запомнил. – Орут что-

то по-своему, лица белые, испуганные...

– Пленные есть? – отрывисто спросил Лаптев.

– Есть парочка, правда, помятые слегка. Один унтер, второй рядовой. Полевая дивизия люфтваффе. Мы экспрессом допрос учинили, вот и пришлось их... не без этого.

– Про пленных потом, – отрезал комбат. – Дальше?

– Так вот. Этот унтер из стариков, еще империалистическую помнит...

– Говорю ж, про пленных потом! О странностях этих, мать их за ногу, говори!

– Так я ж как раз об этом! На этого унтера сверху мой боец свалился, из новеньких, боец Фоминых. Ну и давай немца колошматить, а потом вдруг раз – и исчез! Немец ошалевший вскакивает, а у него в руках рукоятка от ножа. Лезвия самого нет, понимаете, только рукоятка. И как заорет: «О, майн готт!» А потом давай креститься, что тот поп! Я его чуть не пристрелил сгоряча, но вовремя про языков вспомнил. Ну и прикладом в лобешник успокоил. А Фоминых так и пропал, ни тела, ни оружия.

– Товарищ майор, связь готова, комдив на проводе! – от крика связиста Виталий вздрогнул. Вот чего ему меньше всего сейчас хотелось, так это разговора с начальством. Но армия – это тебе не пироги у тещи. Хотя и у тещи тоже особо не забалуешь...

– На проводе Лев, товарищ майор, – в кои-то веки доблестная связь решила отвлечься от вечной ботанической те-

мы – «Ромашка, Ромашка! Я – Лютик! Требую опыления».

– Медведь? Как дела, Медведь? – рыкнул в трубку комдив.

– Зебра взята. До третьей полоски взята.

– Ай, молодец, Медведь! Потери какие? Помощь требуется?

– Лев, потерь... – Крупенников искоса посмотрел на начштаба. Тот в ответ взглянул ему в глаза, криво улыбнулся и покачал головой.

– Не имею потерь!

В трубке озадаченно замолчали. А потом задали смешной вопрос:

– Совсем?

– Так точно, совсем! Пара десятков легкораненых, и только!

– Дыры на шкурах вертите, Медведи! – радостно зарокотал бас комдива. – Молодцы! Ждите контратаки! А ты, майор, руки в ноги и бегом ко мне. То есть ноги в руки!

Крупенников отдал трубку связисту и задумчиво произнес:

– Благодарность батальону от комдива. Велел дырки вертеть.

Офицеры слышали разговор – сквозь трески и статику жизнерадостное громоухание голоса генерал-майора доносилось, казалось, аж до самого Берлина. Благо, до того стало ближе еще на пару сотен метров.

– А вызывают зачем, не сказал? – спросил Харченко.

– Не доложил, знаешь ли. Ему по должности не положено комбату докладывать, – съязвил Крупенников.

– Мне бы доложил, – ответил особист, усмехнувшись.

– Ну, я ж по сравнению с тобой просто майор, а не... – и тут Виталий споткнулся и, не подобрав нужного сравнения, засмеялся. В ответ ему улыбнулся и всегда сдержанный Лаптев, и командиры батальона, и даже начальник особого отдела хохотнул.

– Кстати, а где замполит? – вдруг вспомнил Крупенников. – Что, тоже того? Исчез в бою?

– Здесь я, товарищ майор, – ответил скромно сидевший до того в углу Яша Финкельштейн.

– Ты там чего сочиняешь, таракан запечный? – спросил комбат, отсмеявшись.

– Скоро узнаю, – вместо замполита ответил майор Харченко. – Я всегда первым узнаю. Всё! – и назидающе поднял указательный палец.

Не обращая внимания на подколку особиста, замполит вежливо ответил:

– Так это... политинформацию сочиняю. Мы же это, на территорию Германии вроде как вступили. Первыми.

То, что сказал замполит спокойным, чуть отрешенным голосом, вдруг произвело эффект рванувшей в блиндаже гранаты. И ведь знали же! Готовились! А вот за всеми странностями, за всеми переживаниями и исчезновениями вдруг не заметили этого простого, обыденного факта.

Они уже в Германии.

В той самой Германии, от которой пятились в сорок первом, которая душила их в сорок втором, которой они с таким трудом сломали хребет в сорок третьем. А в сорок четвертом они уже сами в логове дикого зверя.

– Однако... – только и сказал Крупенников, чувствуя... Нет, не ликование и не эйфорию. Пустоту и усталость. Так было с ним всегда, когда он ждал какого-то события или известия, важного и непременно счастливого. Но ощущение счастья всегда появлялось потом, гораздо позже, если и вообще появлялось. «Праздник ожидания праздника», так, что ли? Или это не совсем об этом?..

Впрочем, и остальные офицеры бурно не радовались, лишь смущенно улыбались. Да и в самом деле, чего радоваться-то? Ну, Германия. Ну, логово врага. Ну, страна Гёте и Гитлера. Вот когда Гитлера удушим в Берлине, тогда и Гёте читать будем. Эту, как ее... Лорелею. Или это Гейне? А вот не пофиг ли майору Крупенникову?

– Отметим вечером, когда фрицев отобьем. А пока занимать оборону. Легкораненых в тыл не оформляйте. Или как это у вас... *у нас* делается, я пока не в курсе? Завтра отправим, а то сами видите, какие тут, хм, *исчезновения*. Все свободны. Убываю на НП комдива.

– Комбат, – окликнул того Харченко, когда короткое совещание закончилось и офицеры вышли из блиндажа.

– Ну? – оглянулся Крупенников.

– Я с тобой.

– Комдив меня одного вызывал, – нахмурился Крупенников.

– Да не слежу я за тобой, своих дел хватает, майор, – отмахнулся особист. – Иванова еще с собой прихватим. Хочу кой-куда пройтись, поглядеть...

Видя, что с лица комбата не сходит угрюмое выражение, Харченко искренне рассмеялся:

– Это тебе, комбат, нужно в особом отделе работать, а не мне. Всех подозреваешь в грехах смертных. Идем, потом все объясню.

«Потом» оказалось метрах в ста от взятых траншей. Харченко вдруг остановился и внезапно встал на четвереньки, начав осматривать землю, чуть ли не обнюхивая ее наподобие поисковой овчарки:

– Иванов, помогай!

Штрафник немедленно упал рядом и тоже стал изучать землю.

– Майор, меня, между прочим, генерал вызывал, – заметил Крупенников.

– Подождет твой генерал. У нас тут поважнее дела есть. Комбат, ничего странного не замечаешь?

Виталий Крупенников пожал плечами. Что тут странного можно разглядеть? Обычная нейтральная полоса, ставшая нашей. Перепаханная снарядами, засеянная осколками, политая кровью. И что на такой земле может вырасти?

– Харченко, ты следователем до войны работал, что ли? – иронично спросил ползающего по земле особиста комбат.

– Я до войны, майор, вообще не работал. Не успел. А вот пограничником послужил. Знаешь, сколько лет-то мне, Крупенников?

– Ну?

– Да как и тебе, двадцать пять.

Виталий удивился. Майор Харченко выглядел лет на десять старше. Брюшко солидное, лицо «наетое», как бабушка говорила. И волосы седые на висках. Хотя, по нынешним-то временам, этим не удивишь.

– Непонятно, – с трудом поднимаясь, сказал особист. – Вообще ни хера непонятно!

– Ну, кое-что понять-то можно, – откликнулся Иванов. – Вот только что оно означает...

– Это уж точно, – фыркнул в ответ Харченко. – Эвон, какая хрень творится, науке неподвластная. Смотри, комбат, видишь?

Комбат честно признался, что ничего не видит.

– Да ты внимательнее смотри.

Но комбат все равно ничего не видел.

– Следы видишь? От наших сапог, советских?

– Ну, вижу, следы как следы, – отчего-то раздражаясь, ответил Крупенников. Не любил он детективы. Даже про Шерлока Холмса и Ната Пинкертона.

– Не совсем! Вот, смотри, тут солдат бежал, вот тут упал

и в сторону пополз. А тут – перекатом в другую ушел. Вот вскочил и снова бросок сделал. А вот тут следы закончились.

Майор присмотрелся. Действительно, следы заканчивались, словно человек подпрыгнул и...

И исчез.

Метрах в двух от исчезнувших следов все еще курилась вонючим тротильным дымом неглубокая минометная воронка, обрамленная комьями вывороченной земли и ошметками дерна.

– Иванов, ты видишь? – спросил переменника Харченко.

– Вижу. И не только у этого. С другой стороны воронки такая же херня.

– И еще один момент, комбат. Оружия нет. Одежды, сапог там тоже нет, но это понятно. Человек испарился прямо в одежде, это бывает, лично видел. Но оружие-то должно остаться, понимаешь? Исковерканное, изогнутое, разбитое в хлам, оплавленное – но должно. А его нет.

– Да, вот у нас случай был в полку, – неожиданно и не совсем в тему вставил бывший разведчик. – Пуля второму номеру ПТР прям в патронную сумку вошла. И насквозь гильзу пробила. И ничего...

– А следовательно что, комбат?

– Что? – не понял Крупенников.

– Есть списки у замполтыла о получении оружия. И номера там тоже имеются.

Виталий хмыкнул:

– Списки... А ты хоть списки личного состава видел?

– Видел. Но отработать надо любую версию. Я не думаю, что *они там* каждую такую мелочь учли. Необходимо во фронте поднять все документы по батальону за последние два месяца. Вплоть до получения продовольствия. В конце концов, должны сохраниться личные дела осужденных, попавших к нам в батальон незадолго до выступления. И сохраниться не у нас, а в трибуналах. Если все проверить, глядишь, чего и поймем... может быть.

– Граждане майоры, кони скачут, – встал, отряхивая колени, Иванов, так что спросить, где это «там» и кто это «они», Крупенников не успел.

По перепаханному взрывами полю, мимо двух майоров и одного бывшего старлея лошади тащили батарею семидесятишестимиллиметровых орудий.

– А ну, стой! Стой, кому говорят! – Харченко выпрямился во весь свой невысокий рост, несколькими быстрыми ударами отряхнул испачканные землей колени. Колонна остановилась.

– Майор Харченко, кто такие?

– Капитан Помогайло, – козырнул старший из артиллеристов. – К штрафникам направлен в помощь. Далеко до них?

– Считайте, что уже доехали, капитан, – ответил за особиста комбат. – Я командир отдельного штрафного батальона майор Крупенников.

– Во, бог войны пожаловал! – засмеялся Харченко. – Ну,

фрицев-то мы вам оставили, не бойсь...

Крупенников поразился, настолько быстро и незаметно особист вдруг превратился из ищейки, старательно обнюхивавшей каждый сантиметр земли, в добродушного увальня-толстячка.

– Батальон метрах в ста пятидесяти отсюда, во-он там, – показал направление Виталий. – Начальник штаба, капитан Лаптев, вам все покажет. Устраивайтесь пока.

– Есть устраиваться! – лихо козырнул артиллерист.

– Только побыстрее, не ровен час, фрицы в атаку пойдут.

– Без нас не начнут, товарищ майор, не переживайте! – улыбнулся капитан. Но солдат своих подстегнул.

– Да и нам бы следует поторопиться, товарищ майор, – сказал комбат особисту, когда батарея снова затопала к позициям батальона.

– Следует, – согласился Харченко, однако же вновь припал к земле. Наконец поиски его увенчались успехом. – Ага, есть, – особист подобрал с земли горсть свежих гильз от ППШ. – Отдам ребятам на экспертизу.

Виталий лишь пожал плечами. В криминалистике он понимал чуть больше, чем ничего. Поэтому развернулся и зашагал на восток, оставляя за спиной батальон.

Харченко и Иванов догнали его быстро. Больше особых находок не было, обычное военное железо – гильзы, осколки и один пустой диск от ручного пулемета Дегтярева.

– Как думаете, граждане майоры, может быть, это нем-

цы свое новое оружие применили? Экспериментальное какое-нибудь. Немцы, они же такие, и газы придумали, и танки.

– Танки, Иванов, англичане придумали. А немцы придумали огнемёт.

– Все одно, поганая нация, – упрямо набычился тот. – Ничего от них хорошего не дождешься. Или танк, или огнемёт. А сейчас вот какие-нибудь хе-лучи.

– Лучи? Какие лучи? – едва заметно прищурился Харченко.

– Ой, ну да, не хе-лучи, а икс-лучи. У нас в полку один парень был, так он до войны на физика учился. Рассказывал, что немцы придумали какое-то излучение, не видно его, не слышно и запаха нет, а человек все одно помирает. Убили нашего физика, правда, обычной пулей, но...

– Иванов, тебе рентген делали когда-нибудь?

– Ага. В прошлом году. Мне под Орлом ногу сломало, как подкинуло взрывом, так штаны в клочья, на самом ни царапины, а ногу сломало.

– Так вот, твои хе-лучи и есть тот самый рентген. И открыл его действительно немец по фамилии Рентген. В честь него и назвали. Если долго человека им облучать, тот и впрямь может умереть. Но не моментально.

– Вот я ж и говорю, поганая нация. Небось какой-нибудь усилитель выдумали – и пожалуйста.

– Версия, конечно, интересная, – вполне серьезно сказал

молчавший до того Харченко. – Но некоторые детали в нее не укладываются.

– Это какие, например? – поинтересовался Иванов.

– Многие знания увеличивают скорби и сокращают продолжительность жизни, – многозначительно ответил особист.

Штрафник немедленно заткнулся, уловив намек. Несколько минут прошли в молчании, как вдруг бывший старший лейтенант диким голосом заорал: «Ложись!!!» и рыбкой прыгнул в ближайшую воронку. Не размышляя, оба майора бросились следом. Иванов обладал совершенно невероятным чутьем: он слышал подлетающую мину или снаряд за несколько секунд до того, как их услышат другие. За это его хотели забрать и звукометристом в артиллерийскую разведку, и в радисты, но он каждый раз упирался руками и ногами, не желая покидать родную часть. Впрочем, об этом Харченко и Крупенников узнали гораздо позже, а сейчас прижимались к земле, пережидая короткий огневой налет немцев. Когда серия особенно близких разрывов щедро осыпала их землей, Харченко проворчал:

– Ну вот, все место происшествия попортили...

А Крупенников поднял голову, посмотрел на позиции батальона и хрипло выдохнул:

– Господи! Это что же там творится-то?!..

Интерлюдия

До войны капитан Помогайло был математиком. И даже окончил три курса знаменитого матфака ЛГУ. Когда самородок в лаптях приехал в Ленинград с его сфинксами, кариатидами, знаменитыми мостами и пронизывающим ветром с Финского залива, угрюмого немногословного сибиряка сначала обсмеяли за крестьянский кафтан. Но он, точно ломоносовский сын, вцепился в гранит королевы наук так, что та отдавалась ему с удовольствием. Его не интересовало ничто, кроме математики. Кому сказать бы – не поверят. За все три года сибиряк ни разу не был даже в Эрмитаже. Числа и формулы. Числа и формулы заменили ему все на свете шедевры мирового искусства. Впрочем, математика – это ведь тоже искусство. Точная наука, что еще можно добавить?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.